



Симбирскія
ПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

15-го Мая

№ 10.

1908 года.

ГОДЪ

Подписка принимается въ редакціи при
Симбирской Духовной Консистоіи.
Цѣна годовому изданію съ доставкой и
пересылкою 4 руб. 50 коп.

XXXIII.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, вслѣдствіе засвидѣтельство-
ванія г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода объ отличноусер-
дной службѣ и особыхъ трудахъ нижепоименованныхъ лицъ, Служащихъ въ Симбирской Духовной Консистоіи, Всемилости-
вѣйше соизволилъ къ 6 текущаго мая, дню Рожденія Его Импе-
раторскаго Величества, пожаловать слѣдующія награды: а) **ор-
денъ Св. Анны** 3-й степени столоначальнику Консистоіи,
коллежскому ассесору Владиміру Степанову; б) **орденъ
Св. Станислава** 3-й степени регистратору Консистоіи,
коллежскому ассесору Николаю Живоносновскому; в) **зо-
лотую медаль**, для ношенія на груди на Аннинской
лентѣ, канцелярскому служителю Александрѣ Смирнову, и
г) **серебряныя медали** съ надписью „за усердіе“, для
ношенія на груди на Станиславской лентѣ, канцелярскимъ
служителямъ Александрѣ Жуковскому и Сергѣю Бородину.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія нижеслѣдующими знаками отличія, (за службу по епархіальному вѣдомству), **орденомъ Св. Анны** 2-й степени—города Симбирска, Троицкой церкви протоіерея Виктора Боголюбова и б) за службу по гражданскому вѣдомству, **орденомъ Св. Анны** 3-й степени—гор. Симбирска, Сергіевской церкви, что при мужской гимназіи, протоіерея Іакова Благовидова.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 29 марта сего 1908 года за № 2268, награждены, за заслуги по духовному вѣдомству, ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества: а) **наперснымъ крестомъ**, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ—церкви села Баратаевки, Симбирскаго уѣзда, священникъ Александръ Виноградовъ; церкви села Сіуча, того же уѣзда, священникъ Василій Алмазовъ (нынѣ заштатный); церкви села Тушны, того же уѣзда, священникъ Андрей Смирновъ; церкви села Елшанки, Сызранскаго у. сваящ. Іоаннъ Архангельскій; церкви пригорода Кашпира, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Смирновъ; церкви села Игнатовки, Сенгилеевскаго уѣзда, сваящ. Павелъ Смирновъ; церкви села Иванкова, Алатырскаго уѣзда, сваящ. Петръ Вознесенскій; церкви села Пичеуръ, Ардатовскаго уѣзда, священникъ Александръ Рудневъ; церкви села Кошелевки, Карсунскаго уѣзда, священникъ Аристархъ Рудневъ; гор. Карсуна, Крестовоздвиженскаго собора священникъ Михаилъ Багрянскій; церкви села Можарова-Майдана, Курмышскаго уѣзда, священникъ Григорій Никольскій; церкви села Кочетовки, того же уѣзда, священникъ Николай Остроумовъ; церкви села Свинухи, того же уѣзда, священникъ Леонидъ Доброславинъ и настоятельница Мѣдянскаго Покровскаго женскаго монастыря итуменія Ксенія; б) **мѣдью**—приписанный къ Симбирскому каѳедральному

собору, епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ Симбирской епархіи, священникъ Михаилъ Ашихминъ; церкви села Крестникова, Симбирскаго уѣзда, священникъ Захарій Петропавловскій; церкви села Репьевки-Крутца, того же уѣзда, священникъ Николай Добролюбскій; церкви села Прислонихи, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Топорнинъ; церкви села Рождествена, Сызранскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Смирновъ; церкви села Пороговъ, того же уѣзда, священникъ Андрей Бѣликовъ; церкви села Панышина, того же уѣзда, священникъ Григорій Тихомировъ; церкви села Малой-Борлы, Сенгилеевскаго уѣзда, священникъ Александръ Феликсовъ; церкви села Шигонь, того же уѣзда, свящ. Симеонъ Эсперовъ; церкви села Тереньги, того же уѣзда, священникъ Николай Востоковъ; церкви села Бѣлаго Озера, того же уѣзда, священникъ Никаноръ Ульяновъ; гор. Буинска, Свято-Троицкаго собора священникъ Александръ Перовъ; церкви села Малыхъ-Кармаловъ, Буинскаго уѣзда, свящ. Іоаннъ Бенедиктовъ; церкви села Параней, Алатырскаго уѣзда, свящ. Михаилъ Паникинъ; церкви села Чукаль на рѣкѣ Сарѣ, Ардатовскаго уѣзда, священникъ Алексѣй Туруновскій; церкви села Киржеманъ на рѣкѣ Менѣ, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ Ягодинскій; церкви села Тазина, того же уѣзда, священникъ Александръ Утѣхинъ; церкви села Большой-Комаровки, Карсунскаго уѣзда, священникъ Петръ Иракліоновъ; церкви пригорода Сурскаго-Острога, того же уѣзда, священникъ Иларіонъ Добросмысловъ; церкви села Ходарь, Курмышскаго уѣзда, священникъ Петръ Скворцовъ; церкви села Никулина, того же уѣзда, священникъ Сергій Клитинъ и церкви села Хоршевашъ, того же уѣзда, священникъ Евгений Перовъ; в) **благословеніемъ Святѣйшаго Синода**, съ грамотами—Алатырскаго Свято-Троицкаго монастыря іеромонахъ Сергій; Сызранскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря монахиня Анаполія; церкви села Найманъ, Карсунскаго уѣзда, священникъ Петръ Апраксинъ; церкви села Коржевокъ, того же уѣзда, священникъ Александръ Те-

лемаковъ; церкви села Осоки, Сенгилеевскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Лепоринскій; церкви села Вешкаймы, Карсунскаго уѣзда, священникъ Михаилъ Благовѣщенскій; церкви села Анненкова, того же уѣзда, діаконъ Іоаннъ Судосевъ; церкви села Базарнаго-Сызгана, того же уѣзда, діаконъ Александръ Діаконовъ; церкви села Поселокъ, того же уѣзда, діаконъ Василій Троицкій, и церкви села Никулина, Курмышскаго уѣзда, псаломщикъ Григорій Ясницкій.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 29 марта текущаго года за № 2269, награждены, за заслуги по гражданскому вѣдомству: а) **саномъ протоіерея** церкви села Стараго Тукшума, Сенгилеевскаго уѣзда, священникъ Николай Пальмовъ; б) **наперснымъ крестомъ**, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ, законоучитель Порѣцкой учительской семинаріи священникъ Θεодоръ Соколовъ; в) **камилавкою**—церкви села Котякова, Карсунскаго уѣзда, священникъ Θεодоръ Тихомировъ; церкви села Семеновскаго, Алатырскаго уѣзда, священникъ Николай Тихомировъ, и церкви села Ключищъ Симбирскаго уѣзда, священникъ Николай Серебровъ.

Преподано Архипастырское благословеніе.

Съ выдачею свидѣтельствъ:

Крестьянину села Мало-Карсунскаго Выселка Семену **Середавину** за пожертвованіе въ приходскую церковь Св. Евангелія и облаченія на престоль, стоимостью 103 р. 50 к.

Церковному старостѣ села Сугуть, Буинскаго уѣзда, крестьянину Алексѣю **Осипову** за увеличеніе церковныхъ доходовъ и пожертвованіе въ церковь священническаго облаченія и псаломщическаго стихаря, стоимостью 35 рублей.

Церковному старостѣ села Чукаль на р. Сарѣ, Ардатовскаго уѣзда, крестьянину Ивану Павлову **Ліяскину** за

дѣятельное участіе при постройкѣ приходскаго храма и усердную службу въ должности старосты.

Преподано Архипастырское благословеніе:

Бывшему церковному старостѣ села Атрата, Алатырскаго уѣзда, крестьянину Евѣмію Феодорову Горбатову за усердное прохожденіе должности старосты въ теченіе трехъ лѣтъ.

Церковному старостѣ села Тихомирова, Курмышскаго уѣзда, крестьянину Василию Чехлову за заботы по изысканію средствъ на построеніе новаго приходскаго храма.

За пожертвованіе на сооруженіе предалтарнаго иконостаса въ Александро-Невской церкви села Тереньги, Сенилеевскаго уѣзда: предсѣдателю церковно-приходскаго попечительства купеческому сыну Николаю Евфимову Толкачеву, пожертвовавшему 200 руб.; крестьянину села Тереньги Федору Егорову Сорокину—100 р.; Сызранскимъ мѣщанамъ Ивану Феодорову Сорокину—100 руб. и Павлу Иванову Шанину—100 руб.; крестьянкамъ села Тереньги Елизаветѣ Александровой Кахановой—100 руб. Александру Епифанову Кузнецову—50 руб. и Федору Дмитріеву Морозову 50 руб.

Движеніе и перемѣны по службѣ.

Резолюціями Его Высокопреосвященства и опредѣленіями Епархіальнаго Начальства:

24 апрѣля — крестьянинъ села Малаго-Кушума, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, Ілія Филипповъ, онъ же Фаддеевъ, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Симбирской Успенской единовѣрческой церкви;

28 апрѣля — исправляющій должность псаломщика при церкви села Коптевки, Сызранскаго уѣзда, Дмитрій Бого-

родицкій утверждень въ занимаемой имъ должности, съ прі-
нятіемъ его въ духовное званіе;

— діаконъ Св.-Троицкаго собора гор. Ардатова Ми-
хаиль Анненковъ, согласно прошенія, уволенъ отъ занимае-
маго имъ мѣста за штатъ;

— діаконъ Арсеній Сагацкій, состоящій на псаломщи-
ческой вакансіи при церкви села Маколова, Ардатовскаго
уѣзда, опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви села
Мертовщины, того же уѣзда;

26—29 апрѣля—исправляющій должность псаломщика
при церкви села Араповки, Алатырскаго уѣзда, Иванъ Зна-
менскій утверждень въ должности псаломщика;

29 апрѣля—исправляющій должность псаломщика при
церкви села Знаменскаго, Курмышскаго уѣзда, Константинъ
Соловьевъ утверждень въ занимаемой имъ должности.

— сынъ псаломщика Димитрій Флоренсовъ допущень
къ исправленію должности псаломщика при церкви села Зе-
леновки, Симбирскаго уѣзда, до усмотрѣнія его благоповеденія;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Мордова,
Сызранскаго уѣзда, опредѣленъ бывшій воспитанникъ 3 клас-
са Симбирской духовной семинаріи Василій Жадовскій;

30 апрѣля—псаломщикъ церкви села Новыхъ-Айбесъ,
Буинскаго уѣзда, Ѳеодоръ Даниловъ, исключенный опредѣле-
ніемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 11—12 марта текущаго
года, изъ духовнаго званія, переданъ въ распоряженіе Сим-
бирскаго Губернскаго Правленія;

1 мая—проживающія въ Симбирскомъ Спасскомъ женскомъ
монастырѣ: Марія Павлова Александрова, Наталія Петрова
Мишина, Анастасія Николаева Дружинина, Анастасія Макси-
мова Семенова, Стефанида Евстафьева Ефремова, Параскева
Петрова Бородачева, Меланья Степанова Спиридонова, Еле-
на Константинова Елистратова, Марія Димитріева Облизина,
Матрона Андреева Каштанткина, Евдокія Тарасова Дементьева,
Екатерина Максимова Буракова, Екатерина Николаева Со-

ловьева, Матрона Васильева Сизова, Ирина Емельянова Цыганова, Александра Максимова Бблякова, Елена Киреева Тарасова, Агафія Иванова Рыбакова, Агафія Никитина Кандаулова, Евдокія Никонова Земскова, Параскева Степанова Шапошникова, Матрона Иоакимова Выборнова, Екатерина Васильева Хваткова и Варвара Андреева Уханова утверждены въ званіи указныхъ послушницъ названнаго монастыря;

— на псаломщическое мѣсто къ церкви села Косогоръ, Ардатовскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенія, псаломщикъ церкви села Скрыпина, того же уѣзда Сергѣй Сергѣевскій;

— исправленіе благочиннической должности по 2-му округу Сентилеевскаго уѣзда ввѣрено священнику церкви села Подвалья, того же уѣзда, Аполлосу Лебедеву;

— протоіерей церкви села Грязнухи, Симбирскаго уѣзда, Павелъ Ахматовъ уволенъ отъ должности благочиннаго по 2 округу того же уѣзда, вслѣдствіе просьбы его, а исправленіе этой должности ввѣрено священнику церкви села Баратаевки, Симбирскаго же уѣзда, Александру Виноградову;

2 мая—псаломщическое мѣсто при церкви села Шемарулина, Ардатовскаго уѣзда, предоставлено крестьянину деревни Полудимитріевки, того же уѣзда, Алексѣю Вакурову;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Парадѣева, Ардатовскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно просьбы, диаконъ, состоящій на псаломщической вакансіи при церкви села Мертовщины, того же уѣзда, Стефанъ Богоявленскій;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Новоселокъ, Ардатовскаго уѣзда, назначенъ учитель церковной школы села Селищъ, того же уѣзда, Николай Грошевъ;

— на псаломщическое мѣсто при церкви села Кульмина, Ардатовскаго уѣзда, назначенъ крестьянинъ Иванъ Косовъ;

— на псаломщическую должность къ церкви села Каменки, Курмышскаго уѣзда, назначенъ окончившій курсъ ученія Чалпановской второклассной церковно-приходской школы, Ардатовскаго уѣзда, Порфирій Устимовъ;

— на псаломщическое мѣсто къ церкви села Молвина, Сенгилеевскаго уѣзда, опредѣлень окончившій курсъ ученія въ Бекетовской второклассной церковно-приходской школѣ, Карсунскаго уѣзда, Николай Адриановъ;

5 мая—на діаконское мѣсто при церкви села Кременокъ, Симбирскаго уѣзда, перемѣщень, согласно прошенія діаконъ церкви села Кріушъ, того же уѣзда, Θεодоръ Усольцевъ;

— на псаломщическое мѣсто къ церкви села Ново-Томышевскаго Выселка, Сызранскаго уѣзда, перемѣщень псаломщикъ церкви села Жедрина, того же уѣзда, Михаилъ Логиновъ, согласно его прошенія;

— на діаконское мѣсто къ церкви села Семеновскаго, Алатырскаго уѣзда, перемѣщень, согласно просьбы, діаконъ церкви села Пильны, Курмышскаго уѣзда, Алексѣй Михайловскій;

— на діаконское мѣсто при церкви села Димитріева-Богородицкаго, Сызранскаго уѣзда, опредѣлень діаконъ на псаломщической вакансіи при церкви села Михайловки, Сенгилеевскаго уѣзда, Димитрій Гнѣвушевъ;

6 мая—протоіерей церкви села Красныхъ Четай, Курмышскаго уѣзда, Андрей Сахаровъ, согласно его прошенія, по болѣзни, уволень за штатъ.

10 мая—на псаломщическое мѣсто при церкви с. Новоспасскаго, Сызранскаго уѣзда, перемѣщень, согласно прошенію, псаломщикъ церкви село-Трубетчины сенгилеевскаго уѣзда, Александръ Никольскій;

12 мая діаконъ церкви село Русской Бектяшки, Сенгилеевскаго уѣзда, Василій Предтеченскій перемѣщень къ церкви села Ново-Александровской-Мазы, того же уѣзда, согласно прошенія;

— на діаконское мѣсто при церкви села Тойсей, Буинскаго уѣзда, перемѣщень, вслѣдствіе просьбы о томъ, діаконъ церкви села Шерауть, того же уѣзда, Николай Максимовъ;

— на діаконское мѣсто при церкви села Иванькова, Ала-

тырскаго уѣзда, опредѣленъ состоящій въ томъ же приходѣ на псаломщической вакансіи діаконъ Андрей Алексѣевскій;

— на діаконское мѣсто при церкви села Китовки, Карсунскаго уѣзда, перемѣщенъ діаконъ на псаломщической вакансіи при женскомъ Спасскомъ монастырѣ гор. Симбирска. Димитрій Русановскій;

— на діаконское мѣсто при церкви села Анастасова, Курмышскаго уѣзда, перемѣщенъ состоящій на вакансіи псаломщика при Успенской церкви гор. Алатыря діаконъ Петръ Розовъ;

— запрещенный въ священнослуженіи священникъ Алексѣй Тресвятскій, исполнявшій обязанности псаломщика при церкви села Курмачкасъ, Ардатовскаго уѣзда, оставленъ, вслѣдствіе просьбы его, на названномъ мѣстѣ;

— псаломщикъ церкви села Сырятина, Ардатовскаго уѣзда, Александръ Ясничкій уволенъ отъ занимаемой имъ должности и почисленъ за штатъ, въ виду произвольнаго оставленія имъ таковой въ теченіи свыше мѣсяца.

П Р А З Д Н Ы Я М Ъ С Т А .

Священническія: Малой Рязани, Сызранскаго у.; Полибинѣ, Алатырскаго у.; Быковѣ, Курмышскаго уѣз.; Алферьевѣ, Курмышскаго у.; Среднихъ Тимерсянахъ, Симбирскаго уѣз.; Кайсаровѣ, Симбирскаго у.; Богатиловѣ, Курмышскаго у.; Зеленовѣ, Симбирскаго у.; Комаровѣ, Сызранскаго у.; Паракинѣ, Ардатовскаго у.; Рещевѣ, Ардатовскаго у.; Водарацкомъ, Карсунскаго уѣз.; Ананьинѣ, Сызранскаго у.; Семеновѣ, Ардатовскаго у.; Городецкомъ, Сенгилеевскаго у.; Сіучѣ, Симбирскаго у.; Епифановѣ, Сенгилеевскаго у.; Старыхъ Айбесяхъ, Буинскаго у.; Большомъ Нагаткинѣ, Симбирскаго у.; Туруновѣ, Буинскаго у.; Кузоватовѣ, Сенгилеевскаго у.; Чадаевѣ, Ардатовскаго у.; Гулюшевѣ, Алатырскаго у., Слюк-

сюмъ, Карсунскаго уѣзда, Красныхъ Четаяхъ, Курмышскаго у., и Веденьги, Симбирскаго у.; *Діаконскія*: Архангельскомъ, Ардатовскаго у.; Коноплян-кѣ, Карсунскаго у.; Ясашномъ Сызганѣ, Карсунскаго у.; Ведянцахъ, Ардатовскаго у.; Киртеляхъ, Симбирскаго у.; Еделе-вѣ, Буинскаго у.; Беклемишевѣ, Карсунскаго у.; Поникомъ Ключѣ, Сызранскаго у.; Старой Пузѣ, Ардатовскаго у.; Боль-шомъ Батыревѣ, Буинскаго у.; Безсоновѣ, Симбирскаго у.; Зеленовкѣ, Симбирскаго у.; Пермсяхъ, Карсунскаго у.; Сутяж-номъ, Алатырскаго у.; Чалпановѣ, Ардатовскаго у.; Куракинѣ, Ардатовскаго у.; Тихменевѣ, Сызранскаго у.; Ждамировѣ, Алатырскаго у.; Пандиковѣ, Курмышскаго у.; Симкинѣ, Арда-товскаго у.; Шалатовѣ, Карсунскаго у.; Налитовѣ, Алатырска-го у.; Среднихъ Тимерсянахъ, Симбирскаго у.; Кечушевѣ, Ардатовскаго у.; Хоршевашахъ, Курмышскаго у.; Кузоватовѣ, Сенгилеевскаго у.; Ватовкѣ, Сызранскаго у., и при Христо-рожденственной церкви с. Мѣдянь, Курмышскаго у.; при Ар-датовскомъ Соборѣ; Криушахъ, Симбирскаго у.; Шильмѣ, Курмышскаго у., Русской Бектяшкѣ, Сенгилеевскаго у.

Псаломщическія: Кладбищахъ, Алатырскаго у., едино-вѣрческой церкви; Климовкѣ, Сенгилеевскаго уѣзд.; Городец-комъ, Сенгилеевскаго у.; Спѣшневкѣ, Сенгилеевскаго у.; Пан-диковѣ, Курмышскаго у.; Каранинѣ, Сызранскаго у.; Старой-Шаймурзиной, Симбирскаго у.; Новой Лавѣ, Сызранскаго у.; Кайсаровѣ, Симбирскаго у.; Румянцевскомъ-Фабричномъ-Вы-селкѣ, Карсунскаго у.; Аловѣ, Алатырскаго у.; Пиксясяхъ, Ардатовскаго у.; Бутыркахъ, того-же уѣзд.; Селищахъ, того-же уѣзд.; Чекалинѣ, Сенгилеевскаго у.; при Сызранской единовѣр-ческой церкви; Являяхъ, Алатырскаго уѣзд.; Малой-Кандарати, Карсунскаго уѣзд.; Хмѣлевкѣ, Алатырскаго уѣзд.; при Св. Троиц-комъ соборѣ г. Буинска; Большой Акѣ, Буинскаго у.; Езе-кѣвѣ, Сызранскаго у.; Кременкахъ, Симбирскаго у.; при Казанской церкви гор. Алатыря; при тюремной церкви гор. Симбирска, Чепкасахъ, Буинскаго у.; Маколовѣ, Ардатовска-

го уѣз.: Скрынинѣ того-же уѣз.; Мертовщинѣ того-же уѣз.; Жедринѣ, Сызранскаго у.; Михайловкѣ, Сенгилеевскаго уѣз.; Суркахъ, Карсунскаго уѣз.; Ивановкѣ, Алатырскаго уѣзда; Сырятинѣ, Ардатовскаго у.; Трубетчинѣ, Сенгилеевскаго уѣз.; при Симбирскомъ Спасскомъ женскомъ монастырѣ, при Успенской церкви гор. Алатыря.

Отъ правленія Казанскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы
Маріи Ѳеодоровны.

По постановленію правленія училища, утвержденному Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свѣяжскимъ, въ текущемъ 1908 г. имѣеть быть произведенъ 28-го и 29-го мая XXXI-й (а по преобразованіи училища ¹⁾ *шестой*) приемъ пансіонерокъ съ составъ новаго училищнаго курса.

Священноцерковнослужители Казанской епархіи, желающіе помѣститъ дочерей своихъ въ училище для образованія, къ 1 мая 1908 года имѣють представить начальницѣ училища прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ приложеніемъ слѣдующихъ документовъ: 1) метрическаго свидѣтельства, 2) медицинскаго свидѣтельства о состояніи здоровья и о привитіи оспы, 3) удостовѣренія епархіальнаго начальства или о. благочиннаго о томъ, что помѣщающій дочь въ училищѣ имѣеть возможность исправно вносить за содержаніе своей дочери назначенную плату.

Въ училище принимаются дочери священноцерковнослужителей отъ 10 до 12 лѣтъ по предварительному испытанію, согласно установленной программѣ (§ 81 уст.).

¹⁾ Училище преобразовано въ 6-тиклассное 25-го іюля 1903-го года, Новый, Высочайше утвержденный 14-го іюля 1901-го года, уставъ женскихъ училищ духов-

Испытанія желающихъ поступить въ 1 классъ училища будутъ производиться по *программѣ* въ объемѣ предметовъ курса *одноклассной церковно-приходской школы* ²⁾, причѣмъ даны будутъ двѣ письменныхъ работы: диктовка и переложеніе. Дѣти инословныхъ родителей, а равно приходящія воспитанницы въ училище не допускаются (§ 8 уст.).

Плата за содержаніе въ училищѣ своекоштныхъ воспитанницъ установлена въ размѣрѣ 110 руб. въ годъ (по 55 р. въ полугодіе).

По производствѣ приѣмныхъ испытаній, лучшія по экзамену *30 дѣвицъ* будутъ приняты въ составъ перваго класса.

Форма прошенія на Высочайшее Имя:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО,

Всемиловѣйшая Государыня!

Желая дать своей дочери приличное званію воспитаніе, Всемиловѣйше прошу Ваше Императорское Величество помѣстить дочь мою (имя), достигшую (такого-то) возраста, въ Казанское женское училище духовнаго вѣдомства.

При семъ имѣю счастье представить свидѣтельства: 1) метрическое о времени рожденія и крещенія дочери моей (имя), 2) удостовѣреніе въ исправномъ и своевременномъ взносѣ за нее платы и 3) медицинское о здоровомъ ея состояніи.

Вашего Императорскаго Величества,

Всемиловѣйшая Государыня,

вѣрноподанный

NN епархіи, NN уѣзда, села NN, названіе церкви и подпись NN.

Жительство имѣю (полный адресъ).

наго вѣдомства введенъ съ 15-го августа 1903 года. Уставъ напечатанъ въ 39 № Церковныхъ Вѣд. за 1901 г.

²⁾ Программа для церковно-приходскихъ школъ, изд. Учил. Сов. при Св. Синодѣ, 1903 года напечатана въ 14—15 №№ «Извѣстій по Казанской епархіи» за 1906 г.

Архіерейскія служенія и рукоположенія:

6 апрѣля, въ недѣлю Вай, Его Высокопреосвященствомъ совершены въ кафедральномъ соборѣ всенощное бдѣніе и литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Александра Ясенскаго, Михаила Лебяжьева и Виталія Травина. Очередное слово за литургією произнесено законоучителемъ Маріинской женской гимназіи протоіереемъ Михаиломъ Тихомировымъ.

7 и 8 апрѣля, въ понедѣльникъ и вторникъ страстной седмицы, въ крестовой церкви преждеосвященныя литургіи въ сослуженіи архимандрита Полихронія и іеромонаховъ Софронія и Варлаама.

9 апрѣля, въ великую среду, въ кафедральномъ соборѣ преждеосвященная литургія въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря и священниковъ: Серафима Введенскаго и Александра Ясенскаго.

10 апрѣля, въ великій четвергъ, въ кафедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи ключаря собора и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева.

Въ тотъ-же день въ кафедральномъ соборѣ послѣдованіе Страстей Христовыхъ въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря, протоіереевъ Елпидифора Успенскаго и Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Іакова Каменскаго, Александра Ясенскаго, Михаила Лебяжьева, Михаила Ашихмина и Виталія Травина.

11 апрѣля, въ великій пятокъ, въ кафедральномъ соборѣ великая вечен явѣр сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева.

12 апрѣля, въ великую субботу, въ кафедральномъ соборѣ утреня въ сослуженіи кафедральнаго протоіерея, ключаря и священниковъ: Серафима Введенскаго и Александра Ясенскаго.

Въ тотъ-же день въ крестовой церкви литургія въ сослуженіи архимандрита Полихронія и іеромонаховъ Софронія и Варлаама.

13 апрѣля, въ день Святыя Пасхи, въ каедральномъ соборѣ утренняя и литургія въ сослуженіи каедральнаго протоіерея, ключаря, протоіереевъ Елпидифора Успенскаго и Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго, Михаила Ашихмина и Виталія Травина.

Въ тотъ-же день въ каедральномъ соборѣ великая вечерня въ сослуженіи каедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева.

14 апрѣля, въ понедѣльникъ свѣтлой седмицы, въ крестовой церкви литургія въ сослуженіи архимандрита Полихронія и іеромонаховъ Фотія, Софронія и Варлаама.

15 апрѣля, во вторникъ свѣтлой седмицы, въ Спасскомъ женскомъ монастырѣ литургія и молебенъ Божіей Матери въ сослуженіи ректора семинаріи, каедральнаго протоіерея, ключаря собора, протоіереевъ Александра Керенскаго и Михаила Тихомирова и священника Алексѣя Реморова.

19 апрѣля, въ субботу свѣтлой седмицы, въ крестовой церкви литургія въ сослуженіи архимандрита Полихронія и іеромонаховъ: Софронія и Варлаама.

20 апрѣля, въ недѣлю о Ѳомѣ, въ каедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи каедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Михаила Лебяжьева и Виталія Травина. Очередное слово за литургією произнесено протоіереемъ Никольской церкви Гаврииломъ Сергіевскимъ.

23 апрѣля, въ день Тезоимениства Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ каедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи каедральнаго протоіерея, ключаря, протоіерея Дмитрія Троицкаго и священниковъ: Серафима Введенскаго, Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева, а по окончаніи

литургіи молебень мученицѣ царицѣ Александрѣ въ сослуженіи городского духовенства; очередное слово за литургією произнесено законоучителемъ коммерческаго училища священникомъ Виталиемъ Травиннымъ.

27 апрѣля, въ недѣлю женъ Мироносицъ, въ каедральномъ соборѣ литургія въ сослуженіи каедральнаго протоіерея, ключаря и священниковъ: Александра Ясенскаго и Михаила Лебяжьева.

Отъ Комитета Симбирской епархіальной
эмеритальной кассы

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Извѣщая о смерти священника гор. Курмыша Алексѣя Вигиланскаго и псаломщиковъ села Вышки, Симбирскаго уѣзда, Александра Лентовскаго и села Езекѣева, Сызранскаго уѣзда, запрещеннаго священника Владиміра Благовидова, дѣлавшаго въ кассу псаломщическіе взносы, Комитетъ эмеритальной кассы приглашаетъ участниковъ кассы взаимопомощи сдѣлать въ пользу семействъ умершихъ установленные взносы.

Редакторъ, Секретарь Консистоіи **А. Жуковъ.**

Симбирскъ. Типо-Литографія А. Т. Токарева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для детей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1907 г — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для детей **МЛАДШАГО ВОЗРАСТА** (отъ 6 до 9 лѣтъ) получаютъ

52 №№ и 42 ПРЕМИИ.

Въ числѣ послѣднихъ: двѣ большія **КАРТИНЫ-ЛАННО** въ краскахъ: „ДРУЗЬЯ-КРЯКУШИ!“ и „ЗА МОТЫЛЬКОМЪ“; 12 новѣйш **ИГРЪ** и **ЗАНЯТІЙ** изъ раскрасъ и черн. листахъ; 12 вып. „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ ИСТОРИИ“; 6 вып. „БИБЛИОТЕКИ МАЛЕНЬКАГО ЧИТАТЕЛЯ“; 12 вып. „ЖУРНАЛА МУРЗИЛИ“ и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА“ и „ДѢТСІЯЯ МОДА“.

Подписная цѣна каждого изданія «Задушевнаго Слова», со всеми объявленными преміями и приложениями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.** Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по

2 р.

съ требованиями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращающія въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ — С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13

ЗА ГОДЪ — 6 рублей, РАЗСРОЧКА — по 2 рубля.

XXXII ГОДЪ ИЗДАНИЯ

XXXII ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Дневник Старца и его учеников

15-го Мая № 10. 1908 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О ВОСКРЕСЕНІИ.

(По Мережковскому).

Исходнымъ пунктомъ для Мережковскаго въ его сужденіяхъ о воскресеніи служитъ положеніе, что религиозное сознаніе человѣка необходимо требуетъ, чтобы жизнь наша была абсолютной, чтобы характеръ ея былъ царственный, побѣдоносный, и чтобы смерть была предъ нею безсильна. Само собою понятно, что жизнь не можетъ имѣть такого характера, если наряду съ нею — существуетъ и смерть. При наличности смерти жизнь не побѣдоносна, не абсолютна, не имѣетъ религиознаго смысла, и человѣкъ не знаетъ даже, стоитъ ли ему „принять міръ“.

И тогда жизнь не абсолютна, когда смерть существуетъ не какъ эмпирическій фактъ, а только какъ „метафизическая возможность“.

Пусть люди эмпирически не умираютъ, но если — тѣмъ не менѣе — смерть для нихъ возможна, хотя бы „на потаеннѣйшихъ предѣлахъ пространства и времени“, то жизнь не абсолютна и для религиознаго сознанія бессмысленна.

Совершенно наоборотъ — если бы всѣ люди эмпирически умирали, но если бы кто-нибудь, хотя бы одинъ изъ всѣхъ людей, жившихъ когда-либо на землѣ, не умеръ или вернулся бы изъ смерти въ жизнь, то жизнь получила бы абсолютное религиозное значеніе.

Въ данномъ случаѣ — безсмертіе

емъ одного упразднялась бы смерть всѣхъ, ибо этимъ безсмертіемъ поражался бы самый законъ смерти и реальность бытія смѣнялась бы реальностью бытія. Жизнь получала бы тотъ побѣдоносный и вѣчный характеръ, какой теперь имѣетъ смерть. И если бы,—утверждаетъ Мережковскій,—„люди знали, что одинъ изъ нихъ умеръ и воскресъ, знали такъ же точно и неотразимо, какъ они знаютъ, что всѣ жившіе умерли; то это знаніе преобразило бы весь человѣчскій міръ—внѣшній и внутренній, созерцательный и дѣятельный—науку, искусство, нравственность, полъ, общественность,—все до послѣдней клѣточки нашего организма, до послѣдней отвлеченности нашего мышленія“.

Когда-то у людей (разумѣются апостолы, мученики, первеведствующіе христіане) было такое точное и неотразимое знаніе о воскресеніи Одного, и все, что сдѣлано христіанствомъ, сдѣлано именно въ силу этого знанія. Что же касается современнаго человѣчества, то оно забыло объ истинѣ воскресенія Одного Человѣка. Эту истину находятъ теперь даже противорѣчащей разуму. Но какому—собственно—разуму?—спрашиваетъ Мережковскій. Чистому, критическому разуму возможность воскресенія противорѣчить не можетъ, потому что этотъ разумъ изслѣдуетъ лишь свои собственные, внутренніе законы, какъ законы познанія. Критическому разуму возможность воскресенія противорѣчить такъ же мало, какъ и возможность смерти, возможность рожденія. Очевидно, возможность воскресенія противорѣчить разуму чувственному, опытному. Невѣрующій въ воскресеніе Христа не вѣритъ собственно потому, что онъ знаетъ по опыту, что никто никогда изъ умершихъ не воскресалъ. Рыбаки галилейскіе опытно знали, что Иисусъ воскресъ, они видѣли и осязали Его воскресшаго. Но что значитъ—полагаетъ современный невѣрующій человѣкъ—что значитъ опытъ ничтожной горсти людей въ сравненіи съ опытомъ всего че-

ловѣчества, облеченнаго во всеоружіе научнаго знанія? Последній безконечно вѣроятнѣе перваго.

Но, во первыхъ, — замѣчаетъ Мережковскій — вѣроятность — хотя бы и безконечная, — еще не достовѣрность, а во вторыхъ — опытный разумъ изслѣдуетъ то, что *есть* и *было*, по даннымъ лишь частичнымъ и несовершеннымъ, а потому и заключенія его о томъ, что *будетъ*, также только частичны и несовершенны. И „величайшее открытіе самого же опытнаго разума — законъ эволюціи — обнаруживаетъ непостоянство каждаго даннаго мірового порядка и постепенные переходы міра отъ одного состоянія къ другому... отъ настоящаго извѣстнаго къ неизвѣстному будущему. О содержаніи и предѣлахъ возможностей, скрытыхъ въ этомъ неизвѣстномъ будущемъ, *опытный разумъ заключать не можетъ*, за отсутствіемъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ строить свои заключенія, т. е. именно опытныхъ данныхъ; онъ только знаетъ, что есть то, чего не было, и будетъ то, чего нѣтъ. Не было органическаго состоянія матеріи, оно *есть*; *будетъ ли еще иное, дальнѣйшее, этого онъ знать не можетъ*, не выходя изъ предѣловъ, которые полагаетъ ему разумъ критическій“.

Однимъ словомъ, противорѣчіе между разумомъ и возможностью воскресенія есть лишь кажущееся. Оно обусловливается не вѣчными гносеологическими законами чистаго разума, а ограниченностью того научнаго опыта, какой можетъ быть почерпнуть изъ современнаго порядка міра. На вопросъ: возможно или невозможно воскресеніе — собственно чистый разумъ не даетъ ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта, потому что этотъ вопросъ не входитъ въ область критики познанія. Но глубочайшая религіозная воля и высочайшее религіозное сознаніе требуютъ признанія не только возможности воскресенія, но и его реальной необходимости, ибо иначе жизнь не имѣетъ смысла.

Что нибудь одно: „или последняя цѣль всего мірового процесса — небытіе, нирвана, — или Христосъ воистину вос-

крестъ“; или нѣтъ никакого примиренія между человѣческой волей, требующей абсолютности жизни, и разумомъ, эту абсолютность отрицающимъ, или „Христость воистину воскресъ“; „или весь міръ—безуміе, проклятіе и хаосъ, и человѣкъ—жертва этого безумія, — или Христость воистину воскресъ“*).

Н. Волж — нъ.

О порядкѣ благоустройства прихода.

Вопросъ о благоустройствѣ и оживленіи современнаго русскаго православнаго прихода въ смыслѣ повышенія его церковно-религіозной жизни нынѣ служитъ злословнымъ предметомъ сужденій литературы и не сходитъ со страницъ ея. Сужденія эти разнообразны, иногда другъ другу противорѣчивы, а иногда крайне односторонни. Къ послѣднимъ можно отнести статью г. Новоселова, помѣщенную въ № 7 Церковныхъ Вѣдомостей

*) Примѣчаніе. Аналогичныя мысли и даже въ аналогичныхъ выраженіяхъ проводитъ Мережковскій и въ прочитанномъ имъ 12-го января текущаго года въ парижскомъ „Обществѣ ученыхъ“ рефератѣ о творествѣ Леонида Андреева. Этотъ рефератъ напечатанъ въ январской книгѣ „Русской Мысли“ подъ названіемъ „Въ обезьяньихъ лапахъ“. (Въ началѣ реферата Мережковскій вспоминаетъ дѣтскую сказку о томъ, какъ обезьяна, подглядѣвъ, что мать ласкаетъ ребенка, украла его изъ люльки и заласкала до смерти. Также—проводитъ Мережковскій параллель—заласкали и Андреева его не въ мѣру горячіе поклонники и поклонницы. Отсюда—смыслъ характернаго названія „Въ обезьяньихъ лапахъ“). Главнымъ недостаткомъ творчества Андреева Мережковскій считаетъ отсутствіе у него свѣтлыхъ, положительныхъ идеаловъ, отсутствіе надежды на лучшее будущее человѣчества. Андреевъ мрачными, кровавыми красками изображаетъ только ужасы (въ „Жизни Василя Овсейскаго“ нѣтъ ничего, кромѣ сплошнаго нагроможденія ужаса на ужасъ), представляя, что въ этихъ ужасахъ кроется подлинная трагедія жизни. На самомъ же дѣлѣ,—говоритъ Мережковскій,—въ ужасѣ, какъ таковомъ, еще нѣтъ трагедіи. „Трагедія начинается тамъ, гдѣ есть борьба, а борьба начинается тамъ, гдѣ есть надежда преодолѣть слѣпую судьбу“, поборотъ жизненные ужасы. У Андреева же нѣтъ никакой трагедіи“. Надежда же на лучшее будущее возможна лишь при вѣрѣ въ воскресеніе Христа и въ наше личное безсмертіе. Только при этой вѣрѣ возможна жизнь въ собственномъ смыслѣ. Иначе—есть только та тьма, какая ввображена Андреевымъ въ произведеніи подъ такимъ же названіемъ. Если Христосъ не воскресъ, то правъ Андреевъ: человѣчество не болѣе, какъ „проклятое мясо“, „гниющая падала“, надъ которой „пьяныя старухи“,—исчадія хаоса,—справляютъ гнусную трезну дикой пляской и хохотомъ“. И если въ этомъ случаѣ чѣмъ остается утѣшаться людямъ, такъ только надеждой на безсмертіе во всемъ живущемъ, въ памяти людей, въ своихъ дѣлахъ и твореніяхъ. Но вѣдь утѣшаться такимъ безсмертіемъ,—говоритъ Мережковскій,—все равно, что кормить голоднаго дарисованнымъ хлѣбомъ. И не лучше ли смерть, чѣмъ такое безсмертіе? Въ послѣднихъ произведеніяхъ Андреева („Къ звѣздамъ“, „Савва“, „Жизнь челоѣка“) Мережковскій находитъ „прикосновеніе общественности къ религіи“ и въ этомъ полагаетъ главное достоинство его твореній. Правда, пока это „прикосновеніе“ запечатлѣно чисто отрицательнымъ характеромъ, но Мережковскій надѣется, что Андреевъ, первый вспомнившій и заговорившій въ литературѣ о Христѣ въ революціонную пору, первый же и обратится къ Нему, признавъ истину Его воскресенія.

за текущей годъ, по поводу главныхъ положеній о приходѣ, выработанныхъ Особымъ Совѣщаніемъ. Въ ней авторъ существенный недостатокъ этихъ положеній видитъ въ чрезмѣрной вѣрѣ въ форму, которая имѣеть своимъ послѣдствіемъ построение прихода на почвѣ гражданской общины, въ закрѣпленіи вліянія лѣниваго, эгоистичнаго, менѣе религіознаго большинства прихода, въ ограниченіи вліянія святости, духовнонравственной настроенности меньшинства его и вслѣдствіе этого въ торжествѣ въ приходскихъ отношеніяхъ чисто внѣшней юридической законности, убивающей духъ христіанской любви и единенія. Средствами же повышенія приходской жизни онъ рекомендуетъ созиданіе приходскихъ и всецерковныхъ братствъ и союзовъ, замѣну семинарій пастырскими школами, устройство пастырскихъ курсовъ, на которыхъ могли бы получать подготовку къ священству простецы и одухотвореніе высшей школы христіанской жизни—монастырей. Односторонность сужденій автора состоитъ въ томъ, что онъ неправильно смотритъ на задачу Особаго Совѣщанія при разработкѣ имъ главныхъ положеній о приходѣ; оно въ этомъ случаѣ и должно было имѣть въ виду именно большинство прихода; въ противномъ случаѣ выработались бы не главныя положенія о приходѣ, а частныя. Это съ одной стороны. Съ другой стороны односторонность сужденій видна и изъ того, что главныя положенія о приходѣ не уничтожаютъ, не игнорируютъ приходскихъ союзовъ и братствъ; въ проектѣ нормальнаго устава прихода IV отдѣла Предсоборнаго Присутствія, служившимъ основой трудовъ Особаго Совѣщанія, они прямо рекомендуются ко введенію ихъ въ дѣйствіе въ приходяхъ. Созиданіе такихъ союзовъ и братствъ—существенное средство вліянія религіознаго меньшинства прихода на менѣе религіозное большинство его. Вопросы о возвышеніи духовнонравственнаго достоинства пастырей и миссіонеровъ, а также созиданіи всецерковныхъ братствъ были рѣшаемы въ другихъ отдѣлахъ Предсоборнаго Присутствія, и поэтому они не вошли въ положенія о приходѣ Особаго Совѣщанія. Что же касается упрека по адресу Особаго Совѣщанія въ чрезмѣрной вѣрѣ въ форму, то на это слѣдуетъ замѣтить, что современные приходы вслѣдствіе только внѣшней, территоріальной связи между собою прихожанъ нуждаются въ болѣе правильной, чѣмъ нынѣ, организаціи, для чего нужны формальныя и точныя опредѣленія, т. е. формы; а если эта организація обнимаетъ собою религіозныя и духовнонравственныя отношенія

прихожанъ, ихъ права и обязанности; то она совершается не на почвѣ гражданской общины, а на почвѣ чисто церковно-религіозной. Требованіе положеній Особого Совѣщанія объ обязательномъ обращеніи прихожанъ за требоисправленіями къ мѣстному причту, возмущающее автора разбираемой статьи, имѣетъ вполне нравственный характеръ; пастырь долженъ знать своихъ овецъ съ ихъ религіозными потребностями, а овцы должны слушать своего пастыря.

Кромѣ односторонности данная статья страдаетъ и теоретичностью. Вотъ ея требованія: „Дѣятельность, а не мертвыя правила. Дѣятельность епископа. Дѣятельность союзовъ и братствъ. Дѣятельность пастырей, обновленныхъ въ своемъ составѣ. Дѣятельность специальныхъ проповѣдниковъ, апологетовъ и миссіонеровъ. Одухотвореніе монастырей“. Но такія требованія слышатся отовсюду. При этомъ не указывается, какъ примѣнить требованія къ приходской жизни, какимъ путемъ провести ихъ въ эту жизнь. нѣтъ такихъ указаній и у нашего автора. А между тѣмъ въ настоящее время, время скорого введенія въ дѣйствіе главныхъ положеній о приходѣ и проекта его нормальнаго устава, неотложно требуются практическія указанія о подготовленіи почвы для ихъ введенія. Поэтому мы беремъ на себя смѣлость, кромѣ отзыва о статьѣ г. Новоселова, дать здѣсь такія указанія. Они основаны на личномъ опытѣ; собственно говоря, они и будутъ состоять въ описаніи этого опыта. Замѣтивъ, что наши православные прихожане не приучены проводить въ свою бытовую жизнь церковно-религіозныхъ идеаловъ, мы въ послѣднемъ своемъ приходѣ вели это обученіе нижеизложеннымъ путемъ.

Явился я въ приходъ на первой недѣлѣ великаго поста и немедленно приступилъ къ богослуженію. Богослуженіе совершалъ во всѣ недѣли поста. За каждымъ изъ нихъ говѣльщикамъ произносилъ поученія. Ими я приучалъ говѣльщиковъ къ совершенію исповѣди. Для этого предметомъ, темой поученій избралъ объясненіе десяти заповѣдей Закона Божія. При объясненіи каждой заповѣди указывалъ обязанности и грѣхи противъ нея съ предложеніемъ готовящимся приступить къ таинству покаянія во дни говѣнія пересмотрѣть свою жизнь и вспомнить, не виноваты ли они въ преступленіи какой-либо заповѣди. Тутъ же приводилъ примѣры изъ святоотеческой жизни, какъ побѣдить тотъ или другой грѣхъ, чтобы не повторять ихъ въ

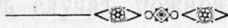
будущемъ. Предъ св. причастіемъ разъяснялъ, какъ слѣдуетъ приступать къ сему таинству и какъ вести себя послѣ него. Въ воскресные дни послѣ вечерни, кромѣ поученій за литургіей, производилъ внѣбогослужебныя чтенія, состоявшія изъ объясненій символа вѣры, чтеній по типикону, какъ нужно молиться, какъ проводить дни поста, какъ дѣятельно участвовать въ богослуженіи. Чтенія перерывались попеременно акаѳистами и канонами Господу Іисусу, Пресвятой Богородицѣ и Святителю Николаю Мирликійскому, а со всеобщимъ пѣніемъ припѣвовъ къ нимъ, таковымъ же пѣніемъ общеизвѣстныхъ молитвъ и заканчивались чтенія, наприм. пѣніемъ Символа вѣры, молитвы Господней и молитвы „Богородице Дѣво“, съ разъясненіемъ, что преподобный Серафимъ Саровскій научалъ пользоваться сими молитвами дома утромъ и вечеромъ тѣхъ православныхъ христіанъ, которые не могутъ совершать полныхъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Замѣтивъ слабое поминовеніе прихожанами умершихъ сродниковъ, я разъяснилъ имъ значеніе такового поминовенія, предложивъ на предполагаемый къ служенію послѣ Пасхи сорокоустъ каждому домохозяину записать для поминовенія усопшихъ родныхъ. Желавшихъ поминовенія нашлось много, запись производилась во время хожденія причта по домамъ для молебствія, и сорокоустъ былъ совершенъ. Послѣ Пасхи по воскреснымъ днямъ внѣбогослужебныя чтенія продолжались. На нихъ было введено чтеніе житія преподобнаго Серафима Саровскаго и всеобщее пѣніе съ канонархомъ пасхальнаго канона и литургіи. Ко всеобщему пѣнію прихожане такъ пріохотились, что осенью явилась возможность съ нимъ совершать литургію. Такъ велось дѣло до второго моего служенія въ приходѣ великаго поста. Только оконченныя чтенія житія преподобнаго Серафима и объясненіе символа вѣры замѣнились чтеніемъ житій дневныхъ святыхъ и объясненіемъ молитвы Господней. Къ тому же описанныя чтенія были перенесены и въ приходскую деревню гдѣ они производились черезъ два праздничныхъ дня. Наступилъ второй великій постъ моего служенія. Во время него я для приготовления прихожанъ къ исповѣди прочитывалъ за богослуженіемъ по частямъ житіе преподобной Θεодоры или хожденіе ея по мытарствамъ. Въ этомъ житіи наглядно выражается мысль, что для спасенія необходимо не только покаяніе, но и жизнь, заглаждающая грѣхи исполненіемъ противоположенныхъ имъ подвиговъ добродѣтели. Поэтому я имѣлъ возможность по прочте-

ни житія на каждой недѣлѣ поста предлагать прихожанамъ говѣльщикамъ избрать какой-либо подвигъ добродѣтели для искорененія своихъ грѣховъ и усовершенствованія своей жизни, заявить объ избранномъ подвигѣ псаломщику при записи имъ желающихъ исповѣдаться и причаститься; при этомъ составилъ списокъ подвиговъ и передалъ его, по прочтеніи во всеуслышаніе, псаломщику для справокъ желающимъ подробнѣе ознакомиться съ подвигами. Чтеніе житія преподобной Теодоры произвело такое сильное впечатлѣніе, что около половины взрослыхъ прихожанъ избрали для несенія въ продолженіе года подвиги въ добродѣтеляхъ. Правда, въ большинствѣ были избраны внѣшніе подвиги, какъ то: извѣстное число поклоновъ съ Иисусовой молитвой, отреченіе отъ винопитія, матернаго слова и табакокурения, ежедневное чтеніе слова Божія, приемъ нищихъ и странниковъ, сверхположенный постъ, неопустительное посѣщеніе праздничнаго богослуженія и т. п.; но были избраны подвиги и чисто духовнонравственнаго характера: ни на кого не сердиться, молиться за работой умной молитвой. Все это дало мнѣ почву для работы надъ духовнонравственнымъ совершенствованіемъ жизни прихожанъ, работы въ ширь и глубь, въ смыслѣ количественнаго увеличенія подвижниковъ и одухотворенія избираемыхъ ими подвиговъ. Между тѣмъ внѣбогослужебныя праздничныя чтенія продолжались. Всеобщее пѣніе совершенствовалось болѣе и болѣе; кульминаціальнымъ проявленіемъ его было пѣніе съ канонархомъ всей пасхальной утрени. На Пасху изъ лицъ избравшихъ подвиги, я сталъ дѣлать собранія. Собранія мужчинъ были отдѣлены отъ собранія жинщинъ. На собранія мужчинъ были приглашены и прихожане, хотя не избравшіе подвиговъ, но отличающіеся благочестіемъ. На нихъ введено было въ приходскую жизнь опредѣленіе Святѣйшаго Синода, отъ 18 ноября 1905 г., за № 5900, по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни. Такія собранія, по нашему, вполнѣ отвѣчали требованіямъ названнаго опредѣленія Св. Синода, такъ какъ они состояли изъ прихожанъ дѣйствительно, какъ гласитъ первый пунктъ опредѣленія, преданныхъ церкви и составляли болѣе трети ихъ общаго числа. Здѣсь были избраны 12 членовъ приходскаго совѣта и распредѣлены обязанности его членовъ, состоящія въ заботахъ о содержаніи въ благолѣпії храма, въ храненіи и провѣркѣ церковнаго имущества, въ учрежденіи и завѣдываніи народной бібліотекой, въ помощи церковному старо-

стѣ въ сборѣ денегъ, въ охраненіи благочинія за богослуженіемъ, въ заботахъ о совершеніи прихожанами домашнихъ молитвъ и привлеченіи большаго числа ихъ къ подвигамъ добродѣтели. Свои обязанности каждый членъ избиралъ добровольно. Кромѣ того, на собраніяхъ было основано общество взаимопомощи. Обо всемъ составленъ приговоръ и посланъ на утвержденіе Преосвященнаго. На женскихъ собраніяхъ были избраны лица, одни для ухода за чистотой храма и его иконъ, другія для ознакомленія съ нуждами женщинъ прихода, третьи для сбора пожертвованій на удовлетвореніе этихъ нуждъ. Дѣло шло успѣшно. Предполагалось далѣе основаніе духовнонравственныхъ союзовъ юношей, дѣвицъ и школьниковъ, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, пріостановилось.

Такъ какой же порядокъ благоустройства прихода рекомендуетъ наша статья? 1) Проведеніе въ свою бытовую жизнь прихожанами идеаловъ христіанства и пріученіе ихъ къ этому. 2) Устройство братствъ и союзовъ. 3) Учрежденіе церковноприходскихъ совѣтовъ. 4) Полное введеніе положеній о приходѣ Особаго Совѣщанія.

Священникъ *Павель Ивановъ*.



По поводу статьи „Новая форма благотѣльной взаимопомощи“

напечатанной въ № 5-мъ Симб. Епарх. Вѣдом.

Съ большимъ интересомъ прочиталъ я статью моего собрата „Новая форма благотѣльной взаимопомощи“, напечатанную въ № 8-мъ за 1908 годъ Симбирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ ней авторъ предлагаетъ духовенству устроить погорѣльческую кассу, на подобіе уже имѣющейя похоронной кассы или кассы взаимопомощи.—Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, какое несчастіе, какое бѣдствіе представляетъ для всѣхъ живущихъ въ селахъ пожаръ и особенно, надо сказать, для сельскаго духовенства,—для духовенства потому, что крестьяне съ наступленіемъ весны всю свою рухлядь и вообще все свое имущество прячутъ въ подвалы, и въ домахъ ихъ въ лѣтнее время съ трудомъ можно найти деревянную

ложку или какую-либо чашку, а потому, если и случится пожаръ въ селѣ, то крестьянинъ теряетъ только свой домъ, притомъ же застрахованный въ земствѣ. Нашему же брату прятать свое имущество въ подвалѣ невозможно по причинамъ, я думаю, всѣмъ понятнымъ и извѣстнымъ, да и подвала у насъ нѣтъ; а потому, если случится пожаръ, то духовенство должно безропотно смотрѣть, какъ горитъ его добро, годами и грошами нажитое. И хорошо еще, если народъ помогаетъ спасать отъ пожара имущество; но есть такія села, какъ на примѣръ наше, гдѣ народъ никакой помощи не оказываетъ на пожарѣ, хотя бы даже и горѣлъ только одинъ домъ. Такимъ образомъ, духовенство при пожарѣ своихъ домовъ, можно сказать, теряетъ все свое достояніе, и многіе остаются въ полномъ смыслѣ нищими; особенно это нужно сказать о священникахъ, которыхъ долгъ заставляетъ, несмотря на пожаръ въ своемъ домѣ, бѣжать въ храмъ, по большей части находящійся рядомъ, спасать тамъ священные предметы, вещи и книги, хранящіяся въ архивѣ.

Какъ же избавиться духовенству отъ такого бѣдствія? Вопросъ этотъ, я думаю, давно многихъ волновалъ, и нѣкоторые, быть можетъ, отдавая чуть не послѣдніе свои гроши, страховали и страхуютъ свое имущество въ разныхъ страховыхъ обществахъ. Такъ же поступаю и я, пишущій настоящія строки. Страховалъ и страхую до сихъ поръ имущество я въ страховой комп. „Надежда“. Начиная съ 28-го іюня 1904 года, я переплатилъ обществу 77 р. 80 к. за 4 года. Кромѣ того я не считаю подводъ, которыя нужны для привозки и отвозки страховыхъ агентовъ. Чтобы получить страховую премию въ 650 руб., я плачу каждый годъ 21 руб. 25 коп. Но надо принять во вниманіе и то, что при выдачѣ этой суммы страховые агенты постараются послѣ пожара рублей полтора-раста скостить за несторѣвшія вещи въ свою пользу. И все бы ничего, но сколько опять хлопотъ предстоитъ при полученіи вышеозначенной суммы!— Въ нашемъ селѣ былъ такой

фактъ. Въ 1907 году въ половинѣ іюня случился пожаръ, въ какой-нибудь часъ истребившій много построекъ. Среди этихъ построекъ были два каменныхъ дома, застрахованныхъ въ томъ обществѣ, гдѣ и я страхую свое имущество. Несчастные погорѣльцы-крестьяне обратились послѣ пожара къ страховому агенту съ просьбой о выдачѣ имъ страховой суммы. И что-же? Прошло съ тѣхъ поръ 9 мѣсяцевъ, а эти несчастные и до сихъ поръ не могутъ получить. Устройство погорѣльческой кассы, мнѣ кажется, для духовенства будетъ поистинѣ великимъ благодѣяніемъ, такъ какъ, во 1-хъ, многимъ изъ духовенства не подѣ силу платить страховымъ обществамъ 20—25 руб.; по моему расчету при существованіи погорѣльческой кассы съ меня, священника, сходило бы въ годъ не болѣе 5—10 рублей, если бы даже были частые пожары въ средѣ духовенства; сейчасъ же я плачу почти 25 руб. (21 р. 25 к. за страховку, 2—3 рубля за подводы для страхового агента); такимъ образомъ у меня въ годъ оставалось бы 10—15 руб., а получилъ бы я въ случаѣ пожара почти ту же сумму, какая мнѣ выдалась бы отъ комп. „Надежда“. Во 2-хъ, деньги я отдавалъ бы незамѣтно, если бы установить страховые взносы по полугодіямъ или по третямъ; въ страховыхъ же обществахъ всю страховку нужно отдавать въ одинъ разъ, а это не всѣмъ подѣ силу. Наконецъ, при существованіи погорѣльческой кассы никогда не придется обращаться для полученія страховой преміи къ посредству судовъ тѣмъ лицамъ изъ духовенства, которыя страхуютъ въ настоящее время свои имущества въ различныхъ страховыхъ обществахъ или же думаютъ страховать, такъ какъ не страховать въ настоящее время—время, можно сказать, постоянныхъ и повсемѣстныхъ безпорядковъ—свое добро стало невозможнымъ. Страховка же эта въ различныхъ компаніяхъ, какъ-то „Россія“, „Надежда“, „Якорь“ и т. п., и дорога для насъ, и сопряжена съ рискомъ, и вообще представляетъ много неудобствъ, о которыхъ мною было уже выше сказано. Устройство же погорѣльческой кассы,

по моему мнѣнію, устраняеть всѣ эти недостатки. Вопросъ же объуставѣ этой кассы, мнѣ кажется, лучше всего рѣшить на ближайшихъ окружныхъ благочинническихъ сѣздахъ, а потомъ на будущемъ епархіальномъ. Думаю, что многіе изъ духовенства будутъ согласны съ симпатичнымъ предложеніемъ объ устройствѣ погорѣльческой кассы, такъ какъ есть поговорка: „всѣ мы подъ Богомъ живемъ“, и всѣмъ свое добро, каково бы оно ни было, жалко.

Свящ. Д. Ст—въ.

Петръ Александровичъ Державинъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Sit tibi terra levis.

Духовная среда даетъ немало выдающихся силъ и крупныхъ дарованій, которыя въ извѣстномъ направленіи и заявляютъ себя на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ жизни. Кажется, на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества нѣтъ такого уголка, гдѣ бы нельзя было встрѣтить болѣе или менѣе замѣтнаго—въ той или другой области—дѣятеля, который не былъ бы тѣсными узами родства связанъ съ духовною средою и—въ частности—съ духовной школою. Было бы интересно статистически прослѣдить, сколько, помимо пастырей, даетъ обществу наша среда самоотверженныхъ врачей, серьезныхъ ученыхъ, талантливыхъ профессоровъ, блестящихъ адвокатовъ и т. д., и т. д.

Давая обществу немало выдающихся силъ и незаурядныхъ дарованій, духовная среда далеко не всѣ эти дарованія и силы выдвигаетъ.

Почему?

Позволимъ себѣ высказаться.

Часто говорятъ, что человекъ такъ или иначе внутренне формируется, въ ту или другую сторону опредѣляется не силою внѣшнихъ обстоятельствъ, а исключительно силою своего

духа. Если—говорять—человѣкъ силенъ въ духѣ своемъ, то всякія внѣшнія преграды для обнаруженія его духовной энергіи не имѣютъ для него значенія и падаютъ сами собой. „Рабомъ“ и вообще бѣднымъ духомъ человѣкомъ „дѣлаютъ не рабскія цѣпи“ и не нищенская сума, „а рабское“ или нищенское „сознаніе“ (Гегель). Такъ говорятъ одни. Но другіе говорятъ по-другому. Утверждаютъ, что лишь внѣшнія, главнымъ образомъ—экономическія условія всецѣло властвуютъ надъ человѣкомъ, и лишь они одни заправляютъ всѣмъ ходомъ его духовнаго развитія и духовнаго самоопредѣленія (Марксъ—Энгельсъ).

Несомнѣнно, что и та и другая оцѣнки внѣшнихъ условій по отношенію къ внутренней жизни человѣка должны быть признаны крайними и—потому—неудовлетворительными. Какъ двусоставна природа человѣка, такъ и укладъ всей его жизни опредѣляется факторами и внѣшними, и внутренними. Нельзя поэтому сказать, что человѣкъ представляетъ собою только „сумму условій“ (Купринъ), но не можетъ быть и того, чтобы онъ отъ этихъ условій былъ совершенно независимъ. Внѣшнія условія или благоприятствуютъ духовному развитію человѣка, или же задерживаютъ и стѣсняютъ его. И—укажемъ частный случай—нужно обладать титаническими силами, чтобы имѣть возможность стать выше тяжелыхъ гнетущихъ условій жизни и выйти изъ борьбы съ ними побѣдителемъ. Обыкновенный же человѣкъ, хотя бы и богато одаренный, хотя бы и талантливый, не можетъ не уставать въ этой борьбѣ и не вступать съ условіями жизни въ такіе или иные компромиссы.

Петра Александровича Державина нужно отнести къ категоріи людей, именно богато одаренныхъ, но надломленныхъ въ борьбѣ съ условіями жизни и—въ концѣ—сраженныхъ ими. Въ лицѣ Петра А.—ча духовная среда дала обществу крупную силу, но *выдвинуть* ее она—увь!—не могла. Слѣшкомъ среда наша бѣдна, слѣшкомъ принижена матеріально и

по связи съ этимъ—морально, слишкомъ тѣсно сдвлена съ разныхъ сторонъ, и потому—то развертываются въ ней драма за драмой...

Будучи товарищемъ П. А.—ча по Алатырскому духовному училищу и Симбирской семинаріи, я ближайшимъ образомъ зналъ его въ теченіе одиннадцати лѣтъ. И за все это время какъ во мнѣ, такъ и во многихъ другихъ П. А. возбуждалъ искреннее и глубокое изумленіе предъ его недожинными дарованіями и предъ особой цѣлостностью и кристальной чистотой его характера.

Получивъ образцовую дошкольную подготовку въ домѣ своего отца, священника Ардатовской Ильинской церкви, необычайно любознательный, чуткій и воспріимчивый ко всему серьезному и интересному, П. А. все преподаваемое въ школѣ ловилъ, такъ сказать, на лету, быстро претворялъ въ себѣ и дѣлалъ своимъ достояніемъ. Еще въ духовномъ училищѣ П. А. удивлялъ насъ знаніемъ русскаго языка и русской литературы. Многое изъ области послѣдней онъ читалъ, а нѣкоторыя изъ сочиненій Пушкина, Лермонтова и особенно Гоголя зналъ совершенно наизусть. Фактъ вполне исключительный не только для того времени, о которомъ я говорю.. Не менѣе богатое знакомство обнаруживалъ П. А. и съ географіей. Какъ по литературѣ, такъ и по географіи у него еще въ училищѣ была своя маленькая библіотечка, которой пользовались и мы, его товарищи. Много зная, П. А. умѣлъ и дѣлиться своими свѣдѣніями. Помню, его удивительно живые и умные рассказы о разныхъ странахъ, народахъ, тропической и полярной природѣ часто собирали насъ въ свободное между занятіями время вокругъ него и приводили въ величайшій восторгъ. Эти часы и теперь будятъ во мнѣ одно изъ лучшихъ воспоминаній о духовно-училищной жизни, и за нихъ я всегда былъ благодаренъ П. А.—чу. Что касается до письменныхъ работъ П. А.—ча, то онѣ наиболѣе обращали на себя вниманіе преподавателей, и не разъ смотритель училища

въ свободное неурочное время приходилъ къ намъ въ классъ съ тетрадью П. А—ча и, восхищенный его работою, вслухъ прочитывалъ ее намъ всѣмъ и по ней училъ насъ писать сочиненія.

Въ семинаріи вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ духовныхъ силъ и способностей П. А—ча росла и жажда его все новыхъ и новыхъ знаній. Будучи исправнымъ ученикомъ и въ разрядныхъ спискахъ занимая всегда одно изъ первыхъ мѣстъ, П. А. съ удивительной настойчивостью занимался и чтеніемъ и основательнымъ штудированіемъ постороннихъ предметовъ, особенно сильно его занимавшихъ. Такими предметами для П. А—ча еще въ первыхъ классахъ были философія, русская исторія и главнымъ образомъ литература, но уже не русская только, а и иностранная. И если въ духовномъ училищѣ П. А. зналъ русскихъ классиковъ, то въ семинаріи онъ могъ свободно цитировать классиковъ иностранныхъ. При этомъ любимыми авторами П. А—ча были Шекспиръ и Викторъ Гюго. Занимался П. А. и по физикѣ и даже по химіи. Но не только или—лучше—не столько знаніями своими выдѣлялся изъ нашей среды П. А.: наиболѣе яркой была въ немъ способность строго критическаго отношенія ко всему, что совершалось вокругъ. Ни общее увлеченіе какой-либо книгой или брошюрой, ни модное преклоненіе предъ какимъ-либо сомнительнымъ авторитетомъ, никакое массовое волненіе не могли сбить П. А—ча съ толку и заставить смотрѣть на вещи полузакрытыми глазами. И я—кажется—всегда буду помнить, съ какимъ тонкимъ, а главное остроумнымъ анализомъ П. А. подходилъ къ каждому явленію, къ каждому факту въ области ли книги, въ области ли жизни. А во время нашего обученія въ семинаріи жизнь складывалась уже такъ, что безъ способности критическаго отношенія къ окружающему трудно было сохранить духовное равновѣсіе. Но П. А. не только самъ всегда сохранялъ, при бурныхъ волненіяхъ жизни, нормальное равновѣсіе, а поддерживалъ его и во

многихъ другихъ. Извѣстно, какъ много значить въ школьной средѣ выдѣляющійся незаурядный товарищъ. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ онъ можетъ оказывать на учениковъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ опытный наставникъ. И бѣда въ томъ, что у насъ нерѣдко „влиятельные“ товарищи выдѣляются не тѣмъ, чѣмъ выдѣлялся П. А.

По окончаніи семинаріи многіе изъ насъ поступили въ высшія учебныя заведенія. Семинарскимъ образованіемъ не ограничивались не только лучшіе изъ учениковъ нашего курса, но и тѣ, которые съ грѣхомъ пополамъ только провлачили семинарское существованіе. Несомнѣнно, что П. А. больше всѣхъ насъ хотѣлъ учиться. И для него высшее образованіе было бы наиболѣе полезнымъ. Оно дало бы возможность развернуться его богатымъ природнымъ даннымъ. Но — къ глубокому прискорбію — послѣ смерти отца семейная жизнь П. А. сложилась такъ, что именно онъ былъ принужденъ ограничиться одной семинаріей. — И вотъ здѣсь-то развязка его жизненной драмы.

Окончивъ семинарію, П. А. поступилъ надзирателемъ въ Симбирское духовное училище. Не обинуясь можно сказать, что П. А. не былъ призваннымъ педагогомъ. Но должно быть особенностью всякаго болѣе или менѣе крупнаго дарованія въ томъ и состоятъ, что оно не бываетъ узкимъ и всюду, куда бы ни прилагалось, обнаруживаетъ свою внутреннюю силу. П. А., не будучи педагогомъ, оказался педагогомъ превосходнымъ. Объ этомъ между прочимъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и та любовь, и то уваженіе, которыми онъ пользовался среди своихъ питомцевъ. Въ училищѣ П. А.чу пришлось работать въ наиболѣе тревожное время (1903 — 1906 г.г.), когда въ какомъ угодно учебномъ заведеніи особенно трудно было поддерживать нормальный порядокъ. И многіе изъ педагоговъ въ это тяжелое время терялись. Если одни, какъ утопающій за соломѣнку, хватались за давно осужденныя, но по крайней мѣрѣ знакомыя и легко доступныя

репрессивныя мѣры воздѣйствія на расходившихся школяровъ и этимъ естественно подливали масло въ огонь, то другіе беспомощно опускали предъ школярами руки, покорно склоняли передъ ними головы, со всѣмъ мирились и все благоговѣяли, лишь бы не вызывать со стороны учащихся какихъ либо эксцессовъ: этимъ, разумѣется, въ корнѣ подрывалось и какъ бы объявлялось ненужнымъ все педагогическое дѣло.

П. А. всюду, гдѣ требовался въ школѣ извѣстный строй и гармоническій порядокъ—внутренній ли, внѣшній ли—не допускалъ по отношенію къ ученикамъ ни малѣйшей уступчивости. Въ этомъ отношеніи онъ былъ въ высшей степени требователенъ, а иногда даже рѣзокъ. Но ученики ни на минуту не забывали той внутренней сердечной доброты П. А-ча, которая въ извѣстныхъ случаяхъ обнаруживалась со всею ясностью, ни на минуту не теряли— правда, полусознательной, почти инстинктивной, но твердой—вѣры въ высокое достоинство тѣхъ цѣлей, къ которымъ увѣренной рукою велъ ихъ П. А-чъ, и онъ неизмѣнно пользовался у нихъ авторитетомъ и уваженіемъ, — именно уваженіемъ. А это въ педагогическомъ дѣлѣ неизмѣримо важнѣе такъ называемой „любви“, сплошь и рядомъ имѣющей характеръ лишь минутнаго увлеченія, случайнаго аффекта.

Домашнія же обстоятельства заставили П. А-ча перемѣнить мѣсто службы и изъ духовнаго училища уйти въ образцовую при семинаріи школу. Какъ и слѣдовало уже ожидать, П. А. и здѣсь оказался на своемъ мѣстѣ. Въ качествѣ образцоваго учителя онъ даже выдѣлялся. Конечно, легко выдѣлиться свѣтлымъ пятномъ на фонѣ темномъ; нетрудно произвести впечатлѣніе незауряднаго работника въ ряду работниковъ заурядныхъ. Но въ образцовой семинарской школѣ дѣло обученія съ давнихъ поръ было поставлено очень солидно, и П. А. — говорили всѣ близко стоящіе къ дѣлу—поднялъ его на высоту, рѣдко къ ней достигаемую.

Можетъ быть, такой успѣхъ П. А-ча въ работѣ кого

нибудь изъ близкихъ его удовлетворялъ, но меня лично—нѣтъ; наоборотъ,—глубоко меня печалилъ. Въ самомъ дѣлѣ: чувствовать въ глубинѣ духа залежи огромныхъ силъ—и имѣть только такое узкое и ограниченное поле для дѣятельности, какъ начальная школа. Обладать значительными познаніями въ литературѣ, исторіи, философіи—и изо дня въ день обучать ребятъ „азамъ“. Ощущать жгучую жажду все высшихъ и высшихъ знаній—и за исправленіемъ грамматическихъ ошибокъ не имѣть времени даже для обыкновеннаго чтенія. Какъ хотите, но это большая драма ¹⁾. И самъ П. А. переживалъ ее мучительно остро. Испытывая въ предсмертные часы обычное для больныхъ облегченіе въ боляхъ, П. А. говорилъ своему врачу:

— Вотъ, мнѣ и хорошо теперь стало... Совсѣмъ хорошо... И какъ весело кругомъ, свѣтло... И какъ хорошо жить... Только вотъ бросить бы это и учиться бы дальше... Вѣдь, я, докторъ, недоучка...

А черезъ нѣсколько часовъ П. А. умеръ.

Развѣ это не драма?

Если П. А. обращалъ на себя вниманіе со стороны большихъ интеллектуальныхъ дарованій, то со стороны нравственнаго характера онъ—безъ преувеличенія—долженъ быть названъ личностью совершенно исключительной.

Твердость и ясность убѣжденій, упорядоченныхъ и опредѣленно-систематизированныхъ основными христіанскими принципами, сообщали характеру П. А-ча особую цѣлостность и стойкость. И наиболѣе цѣнной чертой въ этомъ характерѣ было то, что П. А. ни въ какомъ случаѣ не допускалъ сознательнаго разлада между теоретическими воззрѣніями и практикой жизни; онъ глубоко и искренно возмущался, когда видѣлъ, что люди по книгамъ, по школѣ, по торжественнымъ

¹⁾ Могутъ сказать: а Рачинскій? А Толстой? А многіе другіе? Но—замѣтимъ—тамъ, во-первыхъ, были особыя условія работы, а, во-вторыхъ, на подвигъ Рачинскаго, напр., мы и смотримъ именно какъ на подвигъ.

параднымъ выступленіямъ являются одними, а въ домашней обстановкѣ, въ мелочахъ жизни совершенно другими.

— Зачѣмъ же тогда книга, — говорилъ часто П. А. — зачѣмъ школа, зачѣмъ эти красивыя увлекательныя слова, если мы, закрывъ книгу, окончивъ школу, начинаемъ все по своему, грубо, некультурно и пошло? Въ классѣ все это возвышенно идеально, чисто; съ классной каедрой раздаются призывы къ самоусовершенствованію, къ труду, къ честности, чистотѣ, самопожертвованію, а за стѣнами школы и даже у самого порога ея — праздность, пьянство, карты, будничное прозябаніе. И — главное — это находятъ нормальнымъ. Никто противъ этого не протестуетъ. Требуютъ расширенія программъ, исправленія курсовъ, улучшенія всей постановки школьнаго дѣла, а ничтожества и пустоты интимной жизни своей не замѣчаютъ, или намѣренно закрываютъ на это глаза. И выходитъ — какъ будто — такъ, что школа сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ, и что школа создана совершенно искусственно лишь для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь занять подростующія поколѣнія. Для дѣтей существуютъ игрушки. Для юношества создана школа. А помимо игрушекъ и школы стоитъ жизнь, которая и игрушки, и школу отрицаетъ. Порядокъ вещей — явно не здоровый. Говорятъ, что школа оторвана отъ жизни. Но не вѣрнѣ ли: жизнь оторвана отъ школы? Несовершенна у насъ школа, но всетаки она лучше, идеальнѣе и здоровѣе жизни. И если бы наша жизнь послѣ школы и внѣ ея была ближе къ школьнымъ традиціямъ, то многимъ изъ насъ легче и счастливѣе было бы жить...

Протестуя противъ искаженія въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые провозглашаются книгой и прививаются въ школѣ, самъ П. А. гармонически сочеталъ въ себѣ высоту теоретическихъ убѣжденій и практической жизни. Держась въ теоріи строго — христіанскихъ взглядовъ, П. А. былъ строгъ къ себѣ во всѣхъ житейскихъ мелочахъ. Ни праздныхъ разговоровъ, ни легкомысленныхъ, а тѣмъ болѣе нечистоплотныхъ шутокъ.

ни мелочныхъ пересудовъ, ни какихъ-либо излишествъ, ни картъ ничего этого никогда нельзя было встрѣтить у П. А-ча. Во всемъ — большомъ и маломъ — онъ стремился къ серьезности, чистотѣ и добропорядочности и этой цѣли достигалъ съ успѣхомъ. Въ данномъ отношеніи онъ былъ человѣкомъ какъ бы не отъ міра сего. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ всегда легко, весело и даже празднично чувствовалось въ его обществѣ! Сейчасъ же видно было, что васъ окружаетъ атмосфера свѣтлая, чистая, здоровая духовно.

Но будучи строгъ къ себѣ, П. А. — былъ строгъ и къ другимъ. Онъ ни въ комъ терпѣть не могъ — лицемѣрія, не выносилъ претенціозной ограниченности и глупости, глубоко презиралъ тѣхъ, кто стоятъ въ лучшихъ сравнительно съ нимъ матеріальныхъ условіяхъ и, имѣя поэтому возможность дѣлать многое полезное, погрязаютъ въ лѣни, праздности или же просто прожигаютъ жизнь. Особенно ненавистны были П. А-чу тѣ, кто, не имѣя гроша за душой, позволяютъ себѣ третировать другихъ только въ силу своей внѣшней значимости, въ силу внѣшняго превосходства. П. А. не любилъ и не умѣлъ судить. Но когда его противникъ встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу и безцеремонно обнаруживалъ себя съ ненавистной П. А-чу стороны, П. А. при всей своей деликатности и воспитанности становился безпощаденъ. Острая и умная рѣчь его звучала тонкой, но ѣдкой ироніей, и подъ огнемъ его сарказмовъ рѣдко кто могъ устоять. Особенно же это нужно сказать о послѣднемъ времени, когда болѣзнь П. А-ча дѣлала его раздражительнымъ и усиливала его нетерпимость ко всему несимпатичному для него.

Само собою разумѣется, что сатирическое отношеніе П. А-ча къ чужимъ недостаткамъ или — позволимъ выразиться специальнымъ терминомъ — къ явному, „публичному“ оказательству „этихъ“ недостатковъ многихъ заставляло сторониться отъ него, а иногда доставляло ему и не мало враговъ. Но что до меня лично, а равно и многихъ другихъ, то мы именно

это искреннее и серьезное протестантство П. А-ча по отношению ко всему пошлomu, мелочному и низкому въ жизни цѣнили въ немъ наиболѣе высоко. Въ данномъ случаѣ для насъ видна была ревность П. А-ча по возвышенности, красотѣ и цѣльности жизни. А это всегда вообще, а при теперешнемъ характерѣ жизни въ особенности,—это ревность святая, и осмѣлиться осуждать ее нельзя.

Умеръ П. А. 15-го апрѣля, на третій день Пасхи.

Смерть его не была для насъ неожиданностью.

Туберкулезомъ легкихъ П. А. страдалъ съ давнихъ поръ. Усиленные же его работы по школь и самообразованію содѣйствовали быстрому развитію болѣзни. Великимъ постомъ туберкулезъ перешелъ у покойнаго въ область желудка, а водянка легкихъ рѣшила его участь.

Трудно описать ту скорбь, какой отозвалась преждевременная кончина П. А-ча въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, родныхъ, знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Во время отпѣванія П. А-ча въ семинарскомъ храмѣ ко мнѣ подошла женщина. Она всего только раза два видѣла П. А-ча. Но теперь рыданія положительно душили ее, и она едва могла проговорить:

—Горе-то, горе-то какое...

И опять зарыдала.

Да. Горе большое, и переживать его больно. Но — несомнѣнно — оно переживалось бы и еще больнѣе, если бы не умѣрялось радостью того праздника, когда П. А. умеръ. Въ дни святой Пасхи смерть хотя бы самаго близкаго для насъ, хотя бы самаго дорогого человѣка не такъ больно чувствуется и не такъ тяжело переносится, какъ во всякое другое время. И понятно: Пасха — праздникъ жизни и побѣднаго торжества ея надъ смертью. И среди особаго праздничнаго блеска на всемъ вокругъ, подъ ликующіе звуки пасхальныхъ гимновъ, подъ „красный“ звонъ колоколовъ естественно примириться со смертью, во всякомъ случаѣ не утрашиться ея, не ужас-

нуться. Въ „всепразднственные“ дни пасхальные вѣра положительно не хочетъ видѣть смерти и рѣшительно закрываетъ на нее глаза. Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны гробъ и въ немъ бездыханное *мертвое тѣло*, а съ другой—надъ этимъ же гробомъ, тутъ же рядомъ, побѣдная пѣснь:

„Смерти празднуемъ умерщвление“.

Съ одной стороны реальный фактъ, что жизнь человека оборвалась, *окончилась* навсегда, а съ другой провозглашеніе — „*начала*“ иного житія, „*вѣчно*“. Повидимому, слезы у гроба умершаго должны бы быть безутѣшны, скорбь безгранична, но вѣра требуетъ не „плакать и рыдать“, а „*ирающе*“ слагать пѣсню въ честь Воскресшаго, ибо „нынѣ *ося* исполнящая свѣта, небо же, земля и *преисподняя*“...

Въ дни воскресенія надежда на безсмертіе и вѣчное бытіе приобрѣтаетъ особую ясность и твердость, и можно сказать, что въ эти дни вѣра видитъ свѣтлую жизнь и въ темной могилѣ.

Воистину: *Гдѣ твое, смерти, жало?*

При вѣрѣ въ Христово воскресеніе реально, почти обязательно чувствуется, какъ это жало притушилось, и потому перенести тяжелую утрату въ пасхальные дни для насъ было легче, и наше короткое „прощай“, короткое „до свиданья“ надъ гробомъ П. А-ча было не обычной въ подобныхъ случаяхъ риторической фигурой, а естественнымъ выраженіемъ живой и отрадной надежды на новую встрѣчу съ нимъ на новой землѣ и подъ новыми небесами.

До свиданья же, дорогой товарищъ!

„Покойся, милый прахъ, до *радостнаго утра*“.

И если тяжела была для тебя жизнь, то „*да будетъ тебѣ лежка земля*“.

Н. Колосовъ.

Приходъ и прихожане.

Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ посчастливилось слышать чрезвычайно интересное сообщеніе преосвященнаго Серафима, епископа Орловскаго, посвященное вопросу о возрожденіи приходской жизни въ его епархіи. Это сообщеніе настолько поучительно, что мнѣ хочется подѣлиться слышаннымъ съ читателями „Земли“.

Простыми, ясными словами рассказалъ преосвященный то, что онъ предпринялъ для этого важнаго дѣла, и какъ отнеслось орловское населеніе къ его дѣятельности. Обративъ вниманіе на упадокъ вѣры въ населеніи, на колебаніе нравственности, на ежедневное побѣдное шествіе зла и порока, еп. Серафимъ рѣшилъ собрать около себя всѣ тѣ силы, которыя могли вести борьбу со зломъ. Силы эти оказались не малыми, но онѣ были разрознены, ихъ надо было собрать воедино, сплотить и воодушевить.

Собравъ въ Орлѣ благочинныхъ и многихъ священниковъ, представителей свѣтской власти, земскихъ дѣятелей, городскихъ гласныхъ, — словомъ пригласивъ «клиръ и міръ», преосвященный Серафимъ рассказалъ имъ свою цѣль, и путемъ обмѣна мнѣній обрисовалась и предстоящая дѣятельность; опредѣлилась болѣзнь, опредѣлилось и лѣкарство.

Лѣкарство, какъ оказалось, у насъ же подъ рукою. Лѣкарство—это сближеніе прихода съ причтомъ, близкое участіе прихожанъ во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ церкви; словомъ, лѣкарство—это возрожденіе приходской жизни.

Съ благословенія епископа духовенство принялось за дѣло, часто неумѣло, неопытною рукою, но искренно, съ горячимъ желаніемъ служить паствѣ не однимъ только совершеніемъ богослуженія и исполненіемъ требъ. Прихожане, въ особенности сельскіе, тоже прониклись общимъ дѣломъ и пошли на встрѣчу призыву своего архипастыря. Въ большемъ числѣ приходоу, болѣе чѣмъ въ семистахъ приходоу, были образованы приходскіе совѣты изъ нѣсколькихъ членовъ, которые работаютъ надъ улучшеніемъ положенія прихода, *надъ возрожденіемъ приходской жизни*. Послѣдствій явилось много: лучшее содержаніе храмовъ, забота о кладбищахъ, расширеніе церковно-приходскихъ школъ, устройство богадѣленъ, открытіе потребительныхъ лавокъ. Въ раз-

ныхъ приходахъ сдѣлано не все это, а кое-что, но положено начало дѣлу, и шагъ за шагомъ все налаживается. Въ одномъ приходѣ, напимѣрь, совѣтъ, вмѣсто того, чтобы сдавать болотистый лугъ въ аренду за пятьдесятъ рублей, улучшилъ землю, засѣялъ травами, и теперь тамъ снимается сѣна на тысячу рублей, которые идутъ на общія нужды прихода.

Никакихъ сборовъ новыхъ не требуется, все дѣлается доброю волею, всякая отданная копѣйка является доброхотнымъ пожертвованіемъ,—и копѣчки текутъ, собирая рубли; иные даютъ свой трудъ, работая день-другой на общую пользу.

Жизнь въ деревнѣ стала тяжелою. Пьянство, разгуль губить молодежь, побуждая ее на воровство и на грабежъ. Къ этому привело отдаленіе отъ церкви и отвлечь обратно можетъ только возвращеніе къ церкви, чтобы подъ нея покровомъ начать новую жизнь, и начать эту жизнь *приходскою семьей*.

Подъ впечатлѣніемъ рѣчи епископа Серафима, я и обращаюсь къ вамъ:

Осмотритея вокругъ себя, и вы увидите стариковъ безпріютныхъ, сиротъ, больныхъ, а лѣтомъ грудныхъ младенцевъ, которыхъ ихъ матери оставляютъ безъ призора, уходя на работы въ поле,—для нихъ нужны убѣжища и ясли. Возьмите затѣмъ еще чисто хозяйственныя дѣла; наемъ или покупка городского быка для стада, выписка заводчика для всего села, вырытіе общаго колодца, запрудъ рѣчки, общій садъ-питомникъ, огородъ, устройство общественной лавки, въ которой нѣтъ ни обмана, ни обвѣса,—все это требуетъ общаго дѣла, общаго соглашенія.

Забота о храмѣ, о школѣ, о кладбищѣ, на которое теперь почти вездѣ посмотрѣть страшно, такъ они небрежно содержатся, —непосильны одному церковному старостѣ, ему требуются помощники, и такими помощниками является приходскій совѣтъ.

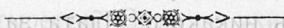
Наша жизнь такъ сложна, духовныя потребности такъ соединены съ житейскими, что надо искать выхода для ихъ одновременнаго удовлетворенія, и такимъ выходомъ вездѣ, въ особенности въ сельскихъ приходахъ, являются приходскіе совѣты, которые уже давно указаны намъ Святѣйшимъ

Синодомъ, но до сихъ поръ привились лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Вникните въ мои слова и обращайтесь ко мнѣ со всеми вопросами и сомнѣніями, я по мѣрѣ умѣнія постараюсь ихъ разъяснить. Письма прошу адресовать (Петербургъ, Басейная ул., 3) въ редакцію газеты „Земля“.

(„Земля“.)

Членъ Госуд. Думы *Войковъ*.



Изъ встрѣчъ въ морѣ житейскомъ.

Очеркъ Н. Новрускаго.

На масляной недѣлѣ мнѣ довелось, проѣздомъ, побывать у одного дьякона, моего товарища по семинаріи. Не видались мы съ нимъ лѣтъ двѣнадцать. Послѣ воспоминаній о старинѣ и разговоровъ о томъ—о семъ, перешли на вопросъ—какъ живется?

— Туго!—сказалъ товарищъ.—Такъ туго, что какъ будто такихъ временъ никогда и не бывало. Переночуй у меня, и я расскажу, пожалуй, всю подноготную. Только веселаго-то мало...

На дворѣ сгущались сумерки. Въ окно было видно, какъ вѣтеръ крутилъ хлопья молодого снѣга—разыгрывалась метель, и ѣхать не было никакой охоты. Я согласился остаться и приготовился слушать.

— Живу здѣсь,—началъ онъ,—второй годъ, а въ прежнемъ приходѣ прожилъ ровно десять лѣтъ. Прожилъ бы, можетъ быть, и до конца дней своихъ, да покойный владыка дьяконскую вакансію тамъ закрылъ, а открылъ второй штатъ. Сей же приходъ самъ предложилъ мнѣ. Отказаться было неловко. Какъ не хотѣлось подниматься съ насиженнаго мѣста и перебираться за полторы сотни верстъ! Сколько пришлось или раздарить, или продать за треть цѣны всякихъ нужныхъ вещей, не говоря уже о рухляди, тоже безполезной въ хозяйствѣ. Всего нехватишь. Я только въ этотъ разъ уяснилъ себѣ истинный смыслъ поговорки о камешкѣ, обростающемъ на одномъ мѣстѣ. Какъ послѣ пожара, такъ не скоро оправишься и отъ этого переселенія. Чего нехватишься, того—другого нѣтъ. Что задарма бросилъ, за то теперь приходится отдавать деньги, да еще какія! А чего стоитъ приладиться къ новому мѣсту, привыкать къ новымъ людямъ!.. Эхъ, лучше не вспоминать объ этомъ!..

— Въ матеріальномъ отношеніи здѣшній приходъ считается не изъ плохихъ, и я получу въ годъ сотъ до пяти, если переложить на деньги ломти, краюшки, яйца и пр. Но какъ достаются эти пятьсотъ! Земли здѣсь мало (16 десятинъ), да и та плохая; сдаю я ее за тридцать рублей. Огорода совсѣмъ нѣтъ, только, видишь, вонъ палисадникъ. Сбора хлѣбомъ почти не существуетъ: поѣхаль я разъ по селу, да и набралъ съ соромъ рублей на шесть всякихъ зеренъ. Вотъ и весь сборъ! Жалованья здѣсь тоже нѣтъ никакого. Плата за требы самая ветхозавѣтная: напр., за взрослога покойника одинъ рубль, а если съ выносомъ—три рубля. Охъ, достаются эти три рубля: кладбище у насъ отъ церкви болѣе двухъ верстъ, и потому, если случится покойникъ съ выносомъ, то раньше двухъ часовъ пополудни мы никогда не освобождаемся. Зимой особенно трудно бываетъ: лѣзешь-лѣзешь сугробами, вязнешь по самыя колѣна, обмочишься весь, иззябнешь...

— Главный доходъ у насъ даютъ молебны и заказныя службы. Ходимъ мы по домамъ въ году одиннадцать разъ. Такъ установлено издавна. И ужъ, право, не знаю, кому больше надоѣдаетъ: намъ ли ходить, или прихожанамъ постоянно встрѣчать да провожать насъ. Получаемъ мы за этотъ и физически, и морально каторжный трудъ пять-шесть копѣекъ съ дома. Перепадаетъ, конечно, и больше, но очень рѣдко. Не легко и отпавлять службу безъ смѣны, изо-дня въ день, потому что въ году наберется у насъ дней неслужебныхъ не болѣе тридцати. Наканунъ большихъ праздниковъ и воскресныхъ дней служимъ мы всенощныя, а заутрени само по себѣ. Про великій постъ я ужъ и не говорю—въ это время дома гостемъ бываешь, а то все въ церкви... Но трудомъ, работой насъ не испугаешь; трудился бы и больше, если бы все это оплачивалось, какъ слѣдуетъ, и не чувствовалось самой гнеущей нужды. А то—прости меня, Господи!—сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что языкомъ ектенію говоришь, а въ головѣ неотвязная мысль стоитъ: въ пансіоны за дѣтей деньги требуютъ,—гдѣ раздобыть, какъ извернуться? Грѣхъ вѣдь? Или, можетъ быть, Господь съ насъ, съ бѣдноты, не взыщетъ?

Я не нашель, что сказать, и уклонился отъ отвѣта вопросомъ:

— А сколько у тебя учится?

— Сынъ въ семинаріи, двѣ дочери въ епархіальномъ, и всѣ на моемъ содержаніи, да дома трое,—двое тоже бѣгаютъ въ

школу, да и шестая съ осени будетъ учиться. Вотъ посчитай-ка, возьми счеты... Въ пансіоны я долженъ заплатить 275 рублей; на святки и на вакать привезти и отвести дѣтей—стоитъ тридцать рублей; сыну справилъ пальто да еще кое-что изъ необходимаго одѣянія—на сорокъ рублей; карманныхъ денегъ—меньше, какъ по пяти рублей въ годъ на человѣка не положишь; значить еще—пятнадцать рублей; разныхъ взносовъ—на пенсію, въ эмеритуру и пр.—съ меня въ годъ сойдетъ, не менѣе сорока рублей. Сколько? Четыреста? Вотъ и ухитрись на остающіеся сто рублей содержать семью, когда мясо, напр., изъ 13—15 к. не выходило, а скоромное масло взбили до 40 коп.

— Развѣ у тебя нѣтъ коровы?

— Гдѣ тонко, тамъ и рвется; хорошая была у меня корова, да два года тому назадъ издохла, а новую купить и не мечтаю... А какъ нужно бы, какъ нужно-бы! Дѣти такъ любятъ молоко, а купленное приходится хлебать шильцемъ... Постой! На чемъ я остановился? Да... Можешь себѣ представить,—я уже года четыре не только нисколько не обновилъ свой костюмъ, рубахи ни единой не могъ сшить, такъ старое и дотрепываю. Посмотри-ка!

Хозяинъ распахнулъ ветхое, много разъ отремонтированное полукафтанье; на немъ оказалась хотя чистая, но всюду заплатанная рубаха; заплаты были и на локтяхъ, и на лопаткахъ, всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. «Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно»—пришли мнѣ въ голову Лермонтовскіе стихи. Товарищъ съ минуту сидѣлъ молча, собираясь съ мыслями, а потомъ продолжалъ.

— Заплаты, рубище—это все ничего! Притерпѣлся—я ко всему, а вотъ дѣтей какъ довести до дѣла? Теперь вотъ въ нашемъ епархіальномъ училищѣ наложили по пятнадцати рублей на человѣка, ссылаясь на то, что все стало дороже. И есть тенденція возвысить взносъ еще больше. А для насъ, дома-то, развѣ все стало дешевле? Или намъ увеличено содержаніе? Вѣдь, въ чемъ трагизмъ-то: наши доходы уменьшились, а взносы въ пансіонъ подняты на цѣлыхъ 43 процента! Первоначально платили, и не особенно давно, только 65 рублей.

— Погоди-ка!—Остановилъ я хозяина.—Ты давеча сказалъ, что у тебя на домашній расходъ остается только сто рублей,—какъ же ты изворачиваешься?

Товарищъ хотѣлъ было отвѣчать, но въ это время его по-

звала зачѣмъ-то въ кухню дьяконица. Смущенно улыбаясь, оны скоро возвратилась.

— Вотъ тебѣ,—заговорилъ онъ,—и готовъ одинъ изъ отвѣтовъ на твой вопросъ: жена вызвала на консультацію, какъ быть на счетъ ужина? Передъ кѣмъ другимъ, а предъ старымъ товарищемъ скрывать ничего. Видишь-ли: мы съ женой рѣшили во всемъ—въ одеждѣ, въ пищѣ и прочемъ—соблюдать строгую экономію. Вода, напр., здѣсь питьевая въ колодцахъ не годится, а потому возятъ для своего употребленія, по гривеннику за боченокъ, изъ родника; но моя дьяконица и тутъ нашлась: натаскаетъ въ кадушку снѣга, онъ растаетъ,—вотъ даръ природы и использованъ разумно, а двугривенный въ недѣлю—экономія. Такъ-то!—Въ гости, разумѣется, мы не ходимъ, а къ намъ и вовсе никто не заглядываетъ. На счетъ ѣды мы такъ устроились: утромъ пьемъ чай съ чернымъ хлѣбомъ... Обѣдъ бываетъ форменный, т. е. изъ двухъ блюдъ, но ужинать мы не ужинаемъ, а удовольемся опять чаемъ съ хлѣбомъ. Такой режимъ у насъ уже года четыре. Сначала было трудненько ложиться спать безъ ужина, но потомъ привыкли и—ничего себѣ. Да... такъ вотъ теперь жена и спрашиваетъ: какъ быть по случаю прибытія гостя, тебя-то, на счетъ ужина? Ты скажи безъ обиняковъ, по-товарищески,—удовлетворишься нашей спартанской трапезой, или соорудить ужинъ? Проектируется яичница: у насъ, братъ, куры ужъ десятка три яицъ нанесли, такъ, знаешь, изъ самыхъ свѣжѣйшихъ...

Я, какъ умѣлъ, постарался отговорить отъ сооруженія яичницы.

— Ну, тогда идемъ чай пить со сливками, да съ калачомъ..

— Продолжать что-ли?—спросилъ товарищъ, насытившись. — Впрочемъ, теперь немного осталось досказать...

— Пожалуйста!

— Когда у меня были дѣти малы, ухитрился я сколотить пять-сотъ рублей. Пригодятся, молъ, на черный день. Вотъ ихъ всѣ и посадилъ въ дѣтей до грошика. Потомъ тестъ не оставляетъ: назаймоваль у него, конечно, подъ расписки, рублей двѣсти, а что дальше будетъ—одному Господу Богу извѣстно и кромѣ, какъ на Него, надѣяться не на кого...

— — Послушай, друже! Если съ такимъ трудомъ, съ такими урѣзками въ домашнемъ обиходѣ приходится дѣтямъ давать образование, то не проще-ли воспользоваться услугами церковно-

приходскихъ школъ—двухклассной или второклассной? Тамъ, хоть и маленькое, но все-таки дадутъ образованіе, да и обойдется совсѣмъ дешево,—замѣтилъ я.

— Твое открытіе не ново,—сказалъ хозяинъ. Объ этомъ вопросѣ я много думалъ и имѣлъ случай изучить его основательно, а такъ какъ въ это дѣло ты не вникалъ, а берешься судить-рядить, то въ наказаніе—слушай. Во первыхъ, пушусь въ историческія справки. Наше епархіальное училище возникло изъ пріюта для 24 дѣвочекъ; ютился пріютъ подъ сѣнью Спасскаго женскаго монастыря и давалъ самое элементарное образованіе. Покойный владыка Теокистъ—царство ему небесное!—съ перваго же года (1874) своего служенія въ Симбирскѣ приступилъ къ изысканію средствъ для устройства женскаго училища, и скоро его стараніями дѣтскій пріютъ превратился въ трехклассное епархіальное училище; затѣмъ былъ купленъ и приспособленъ особый домъ, а ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1878 году, явилась возможность открыть всѣ шесть классовъ. Духовенство, какъ бѣдное сословіе, очень чутко и умѣетъ цѣнить старанія людей, заботящихся о его нуждахъ, а потому, уже во второй годъ архіерейства Теокиста, поднесло ему благодарственный адресъ, въ которомъ, главнымъ образомъ, отмѣчалась забота архипастыря „объ изысканіи источниковъ для воспитанія сиротъ духовенства и вспоможенія дѣтямъ недостаточныхъ въ средѣ его родителей“^{*)}). Такъ видишь-ли,—при открытіи епархіальнаго училища главнымъ образомъ и имѣлось въ виду, чтобы дать образованіе первѣе всего дѣтямъ-сиротамъ и дѣтямъ низшихъ клириковъ, такъ какъ священники, какъ болѣе обеспеченные, всегда могли и могутъ пользоваться услугами гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, а особенно тѣ, у которыхъ, всего двое—трое дѣтей.

— Во вторыхъ. Покойный дѣдъ моихъ дѣтей, а мой отецъ, въ самый разгаръ открытія, оборудованія и постановки училища на ноги, былъ безсмынно нѣсколько лѣтъ депутатомъ отъ духовенства. Сколько онъ перепортилъ крови, сколько нажилъ враговъ, ратуя за образованіе дочерей духовенства! Потомъ онъ былъ благочиннымъ, когда перестраивались и расширялись училищныя зданія, а въ то время священники еще не привыкли раскошелиться на общія нужды епархіи; приходилось многихъ уговаривать, или, смотря по обстоятельствамъ, прибѣгать къ мѣ-

*) См. Журналъ „Воскресный день“, 1887 г., стр. 322, № 20.

рамъ строгости. Плодами трудовъ своихъ моему отцу мало пришлось попользоваться, такъ какъ только одна моя сестра училась въ училищѣ, а остальные прошли гимназію. Отець мой, яркій шестидесятникъ, именно всю жизнь держался въ этомъ вопросѣ того принципа, что, если есть хоть малѣйшая возможность, то дать просторъ другимъ, бѣднымъ, которымъ выбирать не изъ чего. Наконецъ, я самъ, когда еще у меня не подросли дѣти, все время дѣлалъ взносы на училище и впредь обязанъ ихъ буду дѣлать, а коснулось дѣло обученія—вези дѣтей, по твоему, въ двухклассное, а училище предоставь исключительно іерейскимъ дѣтямъ; кромѣ того, на содержаніе училища какую уйму денегъ даетъ свѣчной заводъ, а онъ, надѣюсь, общее епархіальное достояніе. Или и тутъ намъ, бѣднякамъ, нѣтъ доли?

— Въ третьихъ. Пока я живъ и здоровъ, мои дѣвочки, предположимъ, могли бы учиться и въ двухклассномъ, и въ другомъ учебномъ заведеніи. Вдругъ я умру, содержать ихъ будетъ некому, и ихъ выкинуть за бортъ. А въ своемъ училищѣ я, по крайней мѣрѣ, увѣренъ, что ихъ, въ случаѣ бѣды, примутъ на епархіальное содержаніе. Теперь ихъ тащу хоть и съ грѣхомъ пополамъ, но спокоенъ за грозное будущее. Добавлю еще. Известно, что кончившія курсъ во второклассныхъ школахъ назначаются учащими въ школы грамоты на 8—10 рублей. Одинъ знакомый наблюдатель церковныхъ школъ рассказывалъ мнѣ, что въ ихъ отдѣленіи число кандидатовъ на должности съ этимъ ничтенскимъ содержаніемъ никогда не бываетъ меньше ста. Десять рублей!.. Да, вѣдь, это, по нынѣшнимъ временамъ, прямо-таки насмѣшка надъ человѣкомъ! И ты прочишь для нашихъ дѣтей это голодное существованіе?!

— Вотъ еще что характерно въ стремленіяхъ нашихъ іереевъ,—сказалъ хозяинъ,—это захватить въ свои руки все; для достиженія этой цѣли имъ нипочемъ лишить хлѣба цѣлыя сотни людей и поступиться даже благолѣпіемъ церковнаго богослуженія. Я говорю о постановленіи съѣзда, не утвержденномъ нашимъ мудрымъ Владыкой, касательно закрытія діаконскихъ вакансій при всѣхъ церквахъ, кромѣ соборныхъ. Въ частныхъ разговорахъ мнѣ не разъ приходилось отъ многихъ священниковъ слышать, что отлично можно обойтись и безъ дьячковъ. Найму-де я какого нибудь, понаторѣвшаго на клиросѣ, Антона или Егора, такъ онъ, за умѣренную плату, съ превеликимъ удовольствіемъ

ко всякой требѣ прибѣжить... Не правда ли—характерный лозунгъ времени: все намъ и ничего другимъ!!

При послѣднихъ словахъ, товарищъ машинально взглянулъ на часы и забеспокоился:

— Ай, батюшки: двѣнадцатый доходить!.. А мнѣ, вѣдь, въ въ четыре вставать!

— Почему такъ? Неужели служите съ четырехъ часовъ?

— Служить начинаемъ въ шесть, а взята у меня срочная работа: нашъ (земскій) врачъ въ журналахъ пописываетъ, а я у него переписчикомъ. Гуманный человѣкъ врачъ: два двугривенныхъ съ листа платитъ, я и стараюсь оправдать его довѣріе.

Мнѣ устроили постель въ „залѣ“, на скрипучей кушеткѣ, а хозяинъ отправился за перегородку.

Часы прозвонили одинъ разъ. Мнѣ пришло въ голову: поставлены ли мои сырыя валенки для просушки на печь. Я нащупалъ спички, зажегъ стеариновый огарокъ, накинулъ полукафтанье и прошель въ кухню. Холодище здѣсь былъ страшный: дохнулъ—паръ вылетѣлъ изъ моего рта клубомъ. Очевидно, спартанскій режимъ царилъ всюду. Мой ящикъ спалъ на печкѣ подъ моимъ дорожнымъ, мѣховымъ одѣяломъ, подъ тулупомъ и даже въ шапкѣ. Печь была почти холодная, а валенки въ самомъ безнадёжномъ положеніи: они только разбухли.

На печкѣ я увидѣлъ цѣлую груду дѣтской обуви. Нѣкоторые сапожнишки еще годились въ дѣло, но большинство было заштопано то бѣлыми, то черными нитками; одна пара была подшита просто холстомъ. Видимо, этой „обувью“ пользовались только въ комнатѣ, а чинила, по всѣмъ признакамъ, сама мать дьяконица.

Въ кухнѣ же, на стѣнкѣ, подъ ветхой занавѣской, помѣщался гардеробъ хозяина: съ пятокъ полукафтаньевъ и двѣ ясы, до того обтрепанныхъ, съ обившимися и несчетное число разъ чинившимися подолами, что нужно было удивляться, какъ владѣлецъ этихъ рубищъ рѣшается пользоваться ими. Впрочемъ, прорѣхи были аккуратно заштопаны и подплачены. Въ сторонѣ, подъ простыней, висѣла хотя и старая, но приличная пара. „Для парадныхъ выходовъ“—подумалъ я.

Крѣпко стучалась нужда въ двери моего друга!

Около восьми часовъ я открылъ глаза. Было свѣтло. Звонили къ обѣднѣ. Вышедши на дворъ, я увидалъ товарища, раскалывающаго дрова, съ ловкими пріемами заправскаго дровосѣка. Навалена была уже порядочная груда мелкихъ полѣньевъ.

— Съ добрымъ утромъ! — крикнулъ я. — А что же къ обѣднѣ-то? Звонять!..

— У насъ долго звонять!.. Успѣю!.. Вотъ дровишекъ, между дѣль, нужно наколотъ, а то уже не успѣю: похороны съ выносомъ случились, такъ что часовъ до двухъ провозимся, а тамъ вскорѣ и вечерня будетъ!.. Давай простимся теперь же, ты меня не дожدهшься!..

НА С К Л О Н Ъ Ж Ъ Т Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

На площади шумъ уже стихъ. — Толпа внимательно настрожилась. Откуда-то изъ ея середины исходилъ голосъ возбужденный и возбуждающій, громкій, увѣренный. Кто-то говорилъ рѣчь. И было замѣтно, что рѣчь эта говорится не въ первый разъ. Произносившій ее великолѣпно зналъ, какія изъ словъ его рѣчи производятъ на малокультурныхъ слушателей большее впечатлѣніе, какія — меньшее.

— Нужно бороться, — особенно сочнымъ голосомъ говорилъ ораторъ: — вы знаете, «надѣйся на Бога, да самъ не плошай». А что значить не плошай?

И ораторъ громко и раздѣльно уяснялъ смыслъ пословицы: — Это значить: если кто противъ тебя, если кто не хочетъ согласиться съ твоей великой народной волей, то бери его за горло, вали на землю и бей его, бей, топчи, не жалѣй. Сдохнетъ? — Ничего! Туда ему и дорога.

Толпа возбуждалась. Глаза у многихъ экзотически блестяли. Лица какъ то особенно расплывались, обнаруживая ряды зубовъ.

Нѣкоторые поддакивали оратору.

— Вѣрно, вѣрно!..

— А какъ же еще?

— Довольно они попили нашей крови. Теперь давай мы ихней попробуемъ.

— Да, — говорилъ въ свою очередь ораторъ: — до сихъ поръ изъ насъ всѣ, кто только могъ, тянули соки. Къ нашимъ жиламъ жадно припадали и правительство, и помѣщики, и даже про

смирни и пили, пили нашу кровь. Пили съ животной ненасытностью. Наши враги какъ бы намѣренно обезсиляли насъ, пригнетали къ землѣ, заботливо изо дня въ день готовили насъ къ смерти. А потому—поистинѣ можно сказать, что для насъ каждый день былъ днемъ не жизни, а постепеннаго, можетъ быть медленнаго, но вѣрнаго умиранія. Да. Мы умирали, а наши враги, эти лютые вампиры, ликовали при нашемъ страдальческомъ смертномъ одрѣ и съ сытымъ довольнымъ видомъ обшаривали наши карманы, вытаскивали оттуда послѣднія наши потомъ и кровью добытыя копѣйки и на нихъ.. на эти копѣйки за нашу смерть и гибель... да, да... смерть и гибель пили шампанское. Вотъ, каковы наши враги. И можно ли на какихъ бы то ни было условіяхъ мириться съ ними? Можно ли хотя бы на какомъ угодно разстояніи терпѣть ихъ? Нѣтъ, нѣтъ. Конечно, нѣтъ. Довольно. Насилію, произволу и неправдѣ долженъ быть положенъ конецъ. Люди сознали теперь, что солнце для всѣхъ свѣтитъ, а не для богатыхъ только, лѣса для всѣхъ растутъ, земля для всѣхъ одинаково предлагаетъ свои блага. «Раститесь и множитесь и наполните землю и владѣйте ею», сказано въ Писаніи. Да... Довольно гнета богатыхъ. Мы пострадали, они попользовались. И вотъ всѣ мы, каждый изъ насъ, должны встать за свои поруганныя права, должны вооружиться на возстановленіе правды и справедливости.

И далѣе ораторъ призывалъ къ явному насилію и бунту, указывалъ на примѣры другихъ селъ, гдѣ богачи, позабывши обо всякомъ своемъ имуществѣ, которое они до сихъ поръ такъ любили и обожали, скрылись изъ деревень въ города, предоставивъ крестьянамъ полную свободу распоряжаться ихъ добромъ.

— На людяхъ и смерть красна,—говорилъ ораторъ:—чего намъ бояться?.. А объ этихъ храмахъ и попахъ забудьте. Это все даютъ вамъ для отвода глазъ, чтобы вы смирнѣ себя вели, да господамъ даромъ работали. замѣтите, что во многихъ мѣстахъ помѣщики на свои деньги и строили церкви-то. И если бы не помѣщики, то можетъ быть у насъ и церквей не было бы. Увѣряю васъ, церкви да кабаки—это для того, чтобы одурманить васъ, заставить васъ забыть о нищетѣ вашей. Для того же и церковныя школы. Долой ихъ!

— Ого-го!..

Толпа бѣшено гоготала. Слышались неистовые выкрики, ругательства, смѣхъ, циничныя шутки.

Когда ораторъ остановился, послышался довольно слабый, волнующийся и отъ волненія прерывающийся голосъ:

— Господа!.. Православные!

— Кто это? Кто это?—зашевелилась толпа.

— Да батюшка нашъ, —отвѣчали на вопросъ.

— Ужли не разберешь?

— Туда же, —послышались замѣчанія.

— Чего этотъ еще хрычь-то лѣзеть?

— А какъ же? Тоже, вишь, въ артели захотѣлось. Праведникъ то нашъ...

— Погодите а вы, —останавливали расходившуюся молодежь болѣе благоразумные изъ присутствующихъ:—чего вы безъ поры то, безъ времени охальничаете? Ничего, вѣдь, еще онъ не сказалъ...

— Да и не скажетъ ничего.

— Ну, это еще увидимъ.

Толпа гудѣла.

— Православные!—немного громче проговорилъ о. Константинъ:—православные!

Голоса стали замѣтно стихать.

— Что это съ вами?—спрашивалъ батюшка:—не узнаю васъ. Совершенно не узнаю. Гдѣ ваша разсудительность, ваше хладнокровіе и ваша скромность, деликатность? Чему такъ радуетесь? Надъ чѣмъ такъ нехорошо, неприлично смѣетесь? Вѣдь, страшно, —подумайте-ка, —страшно сказать: васъ зовутъ пойти противъ самого Бога, противъ святыхъ Христовыхъ законовъ, противъ всего, чѣмъ жили наши отцы и дѣды, въ чемъ до сихъ поръ мы сами находили радость и покой. Подумайте ка, подумайте. Васъ направляютъ противъ церквей Божіихъ, предъ вами чернятъ, поносными именами обзываютъ храмы Божіи, которые до сихъ поръ мы такъ любили, въ которые свою кровь, свой потъ, гроши свои вкладывали. Ужели пойдѣмъ теперь на храмы наши и разрушимъ ихъ? Ужели бросимъ жеребій и ризы святыхъ раздѣлимъ? Братіе! Дорогие мои братіе! Въ потемнѣніи это вы пойти противъ святыхъ Божіихъ собираетесь и надъ воспитавшей васъ и открывшей вамъ свѣтъ и разумъ церковью и школой церковной ругаетесь. Господь съ вами, дѣтки, одумайтесь. Да и съ чего это вы въ ожесточеніе такое противъ святыхъ Божіихъ пришли?

— Это мы отъ сытости, —прозвучалъ злой, иронической голось, похожий на тотъ, который произносили рѣчь.

Въ толпѣ многіе засмѣялись довольнымъ смѣхомъ.

— Здорово сказано, — замѣтилъ кто-то.

— Еще бы не сказать, — соглашались другіе.

— Почитай, не языкъ, а бритва.

— Такъ, такъ, — продолжалъ между тѣмъ батюшка, — отъ бѣдности вашей ожесточеніе ваше, хотите сказать? Отъ нужды? Хорошо... Пусть...

— То-то пусть, — перебилъ кто-то о. Константина.

— Но припомните многострадательнаго Іова.

— Эва куда хватилъ.

— Вы всѣ знаете о немъ.

— Еще бы... Надоѣлъ ужъ. Вѣдь, кажинный день съ проповѣдьями-то своими лѣзъ.

— Надоѣлъ? — повышеннымъ уже и громкимъ голосомъ переспросилъ о. Константинъ: — кто сказалъ это? Да будетъ тому стыдно. Вы хотите упрекнуть меня въ томъ, что я часто училъ васъ добру, всячески старался просвѣтить и облагородить ваши души, что настойчиво проповѣдывалъ вамъ Слово Божіе? Да. Можно сказать, я каждый день проповѣдывалъ вамъ святыя истины вѣры. Но, судя по тому, что теперь у васъ происходитъ, думаю, что я напрасно не проповѣдывалъ вамъ и каждую ночь.

— Что, налетѣлъ? — говорили въ толпѣ, обращаясь къ выказавшему обидное замѣчаніе: — не на такого, братъ, напалъ. Прикуси язычекъ-то.

— Тогда бы привели насъ ко второй Цусимѣ, — услышалъ о. Константинъ незнакомый голосъ, но онъ не обратилъ на него вниманія и продолжалъ свою рѣчь.

— Іовъ ли не нуждался? Онъ ли не переживалъ мучительныхъ страданій? Жить въ полномъ богатствѣ, быть окруженнымъ со всѣхъ сторонъ почетомъ и уваженіемъ, пользоваться семейнымъ счастьемъ и потомъ вдругъ лишиться всего и изъ уважаемаго всѣми богача обратиться въ нищаго, всѣми забытаго и выброшеннаго за городъ. Это ли не испытаніе? Но смотрите: вырвалось ли изъ устъ великаго страдальца хотя бы одно слово хулы на Бога? А вы... вы, братіе?.. Умоляю васъ: убойтесь Бога, устыдитесь самихъ себя, своей совѣсти. Вы только спросите у себя: что случилось-то собственно? Ужели на самомъ дѣлѣ кто-то хочетъ, чтобы вы постепенно, но уже навѣрняка умирали? А, вѣдь, только уже въ самыхъ крайнихъ, въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ можетъ человѣкъ придти въ

ожесточеніе противъ всего святаго. Тутъ у васъ говорили, что враги ваши припадаютъ къ вашимъ жиламъ и пьютъ — пьютъ вашу кровь. Но ясно, что это только слова. Только красныя слова. Это хотять навѣять на васъ такой сонъ, въ которомъ вы могли бы совершить все, что захотять друіе. Такъ нѣкогда искуситель навѣялъ забвеніе Божіей заповѣди на нашихъ родителей. Хороши были слова діавола, но что было потомъ, когда прошло навѣянное на Адама и Еву усыпленіе? Имъ стыдно стало, и скрылись они отъ Бога. Повѣрьте, дорогіе братья, и вамъ будетъ стыдно и больно потомъ, когда вы въ себя придете. Потому — еще разъ прошу васъ: будьте хладнокровны, вдумчивѣе относитесь ко всему, что говорятъ вамъ со стороны.

— И ѣшьте мякину, — слышалась опять ядомъ пропитанная иронія незнакомаго чедовѣка. — Ну, вотъ, — сейчасъ же говорилъ о. Константинъ: — зачѣмъ такое преувеличеніе? — Братья! — вдругъ повысилъ голосъ о. Константинъ: — будемъ серьезны. Я знаю, вы бѣдны. Во всякомъ случаѣ не богаты. Иногда же и по мѣстамъ нашъ народъ положительно бываетъ подавленъ нуждой и горемъ, и обстоятельства его часто бывають безвыходными. И если что спасаетъ его въ такихъ случаяхъ, то это вѣра, подающая ему великую силу терпѣливо переносить тяжелыя испытанія. И, конечно, закрывать глаза на нужду, на горе народное нельзя. Убѣжденъ даже, что это преступленіе, грѣхъ. И вы сами знаете, что я всегда боролся съ бѣдностью. Я указывалъ вамъ лучшіе способы обработки земли, вмѣстѣ съ вами мы выписывали усовершенствованныя орудія, устроили мы для облегченія вашей работы въ страдную пору дѣтскій пріютъ «ясли», у насъ было товарищество мелкаго кредита. Укажите мнѣ новыя средства борьбы съ бѣдностью, и я буду бороться средствами новыми. Развѣ кто проповѣдуетъ бѣдность? Развѣ кто хочетъ, чтобы вы ѣли мякину? Боже сохрани! Не мы ли молимся всегда объ изобиліи плодовъ земныхъ? Я хочу только, чтобы вы боролись съ бѣдностью и къ лучшему устраивали свое хозяйство средствами хорошими, честными, благородными. Вамъ же... вамъ внушается забыть, что люди братья, что вражда между ними есть зло, что грабежи и убійства ведутъ не къ благополучію и счастью, а лишь къ новымъ бѣдствиямъ и страданіямъ. Хотять увѣрить васъ, что если вы признаете законнымъ дѣломъ грабежи и убійства, то жизнь изъ ада, какимъ она представляется теперь, сейчасъ же обратится въ рай.

О, не соблазняйтесь этими льстивыми рѣчами. Подумайте: возможно ли, чтобы изъ дурного получилось хорошее? Возможно ли, чтобы на терновникѣ выросли смоквы или на осинѣ яблоки? Представьте только, что въ нашей жизни признаны законными грабежи и убійства. Что можетъ произойти тогда? Не знаю, какъ для васъ, а для меня ясно, что тогда прекратится теперешняя наша человѣческая жизнь и настанетъ жизнь чисто животная. Тогда ничего не останется въ нашей жизни—ни правды, ни справедливости, ни долга, ни любви. Останется одна только сила, одинъ кулакъ. Кто силенъ, тотъ и будетъ для всѣхъ законодателемъ. А слабый,—ложись въ грязь и помирай.

— Скажите пожалуйста!—возразилъ незнакомый голосъ:— а теперь не задавили насъ сильные? Теперь мы слабые—не лежимъ въ грязи? Выходитъ: и ладно, и хорошо это? Такъ, значить, лежи и лежи, пока до пролежней не долежишься?

Крестьяне поворачивали головы то въ одну, то въ другую сторону, смотря по тому, откуда слышалась рѣчь. Теперь они уже почти перестали принимать участіе въ обсужденіи поднятыхъ вопросовъ и только слѣдили, которая же изъ спорящихъ сторонъ побѣдитъ?

— Допустимъ, допустимъ,—возражалъ своему противнику Константинъ:—но если теперь насъ обижаютъ и угнетаютъ, то мы знаемъ и говоримъ, что это не по правдѣ, не по справедливости. И потому мы можемъ защищаться отъ своихъ обидчиковъ и притѣснителей: „не троньте, молъ, насъ, потому мы-то васъ не трогаемъ“. Ну, а ужь если сами мы станемъ обижать другихъ, сами признаемъ обиды и притѣсненія дѣломъ законнымъ, тогда всякій будетъ обижать насъ по справедливости. „Ты, дескать, самъ грабишь или тамъ убиваешь, такъ почему же я не могу снять съ тебя послѣднюю рубаху или голову тебѣ отрезать“. А ужь до этого дѣла дойдетъ, тогда, полагаю, прямо житья на свѣтѣ не будетъ. Братъ на брата пойдетъ. Теперь хоть впереди можно ожидать лучшаго;—потому, что если одинъ позволяетъ себѣ обижать ближняго, то другой считаетъ это грѣхомъ. А ужь если всѣ мы признаемъ, что обижать другъ друга дѣло законное, тогда говори—вавилонское столпотвореніе и всеобщая гибель. Этого ли хотите, православные?

Толпа молчала. Крестьяне вопросительно смотрѣли туда, откуда шелъ голосъ перваго оратора: «Что же дескать, ты? Взялся за гужъ, не говори что не дюжъ». Но молчалъ и ораторъ.

— А потому, — заканчивалъ свою рѣчь о. Константинъ: — и говорю я: будьте хладнокровны. Не горячитесь и не берите на душу какого-нибудь тяжелаго грѣха, — тѣмъ болѣе, что не такъ трудно и удержаться намъ на высотѣ человѣческаго и христіанскаго достоинства. Повторяю, вѣдь мы не въ крайнихъ какихъ обстоятельствахъ. Бѣдны мы, но не нищіе же, у которыхъ даже куски ихъ отнимаютъ. Припомните, каковы были у насъ урожаи въ прошломъ году. Не мало я любовался: село наше словно стѣной какой было обставлено этими копнами и скирдами. Съ полей хлѣбъ возили прямо обозами. Непрерывной цѣпью тянулись возы одинъ за другимъ, и даже не въ одну дорогу, а въ двѣ. Мельницы не успѣвали молотъ подвозимаго свѣжаго хлѣба. Работали и по ночамъ. Изъ у кого не было излишка хлѣба? Не намъ съ вами говорить объ этомъ. Все это извѣстно и вамъ и мнѣ слишкомъ хорошо. И скажите: сколько свадебъ прошлой зимой мы сыграли? И какъ сыграли? Какъ праздники проводили? Мнѣ кажется, весело, пожалуй даже слишкомъ весело. Въ свое время я указывалъ вамъ не слишкомъ ли щедры мы на угощеніе, не слишкомъ ли безшабашно катаемся на тройкахъ съ бубенчиками, не слишкомъ ли громко поемъ веселья, удалья пѣсни? Да. Можно быть хладнокровнѣе въ настоящее горячее время и погому еще, что мы въ бѣдности нашей не забыты высшей властью. О насъ пекутся, нашему желанію жить лучше идутъ на встрѣчу. Трудно, конечно, удовлетворить всѣ наши нужды въ короткій срокъ времени. Дѣло устройства всей нашей жизни — государственной и общественной — дѣло большое и сложное. Здѣсь нужно подумать да подумать. А для этого требуется время. При маленькомъ дѣлѣ и то говорятъ: «семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь», въ большомъ же и сложномъ дѣлѣ осторожности нужно, конечно, еще больше. Не соблазняйтесь же, дорогие друзья, тѣмъ, что происходитъ вокругъ васъ въ другихъ селахъ. Разбирайтесь во всемъ, что видите и слышите кругомъ, и принимайте только хорошее, дурное же отбрасывайте прочь. По наставленію апостола, все испытывая, добраго держитесь. Не честь намъ дѣла худыя и преступныя, хотя бы и совершали ихъ сотни и тысячи другихъ людей. Но истинной похвалой намъ будетъ всякое честное дѣло, хотя бы его дѣлали только мы одни. Развѣ.

— Граждане! Кого мы слушаемъ? — неистовымъ голосомъ закричалъ вдругъ неизвѣстный, произносившій рѣчь въ началѣ сходки. Видимо, успѣхъ батюшкиной рѣчи привелъ его въ раз-

драженное состояніе, и во время послѣднихъ словъ о. Константина онъ собирался съ силами, чтобы сказать послѣднее вѣское слово.

— Кого мы слушаемъ? Вотъ что значить непривычка къ сознательной жизни и обязанность итти по указкѣ начальства! Минута,—и мы уже готовы слѣдовать за своими врагами, за земскимъ начальникомъ, за попомъ. Вы посмотрите: кто передъ нами? Вѣдь, это нашъ врагъ, это человѣкъ, который хочетъ, чтобы мы попрежнему были въ рабскомъ повиновеніи у бездарнаго, развращеннаго правительства, у безсовѣстныхъ помѣщиковъ и жадныхъ поповъ. Правительство, дворянство и духовенство,—это троица единая и нераздѣльная. И другъ другу они помогаютъ, другъ друга поддерживаютъ. Обратите вниманіе: что? этотъ попъ доброжелатель вашъ? страдаетъ онъ по вашему горѣ? хочетъ вамъ счастья и добра? Ничуть ни бывало! Это онъ все о себѣ хлопочетъ, о томъ, чтобы оставались эти западни храмы, чтобы вы попрежнему носили ему свои копѣйки да лепешки, и чтобы жилъ онъ себѣ припѣваючи, ѣлъ пироги съ курятиной, ѣздилъ крестить помѣщичьихъ ребятъ, да получалъ отъ правительства камилавки и ордена. Больше же ему ровно ничего не нужно. До народа и до народныхъ нуждъ ему нѣтъ положительно никакого дѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, слышались возраженія.

— Это ты напрасно.

— Нашъ батюшка не изъ такихъ.

Но ораторъ неся впередъ на всѣхъ парахъ своихъ легкихъ. Кричалъ онъ такъ оглушительно и такъ отчаянно размахивалъ руками, что у слушателей его должно было составиться убѣжденіе въ полной нелѣпости какихъ бы то ни было возраженій.

— Онъ васъ вводитъ въ явный обманъ,—кричалъ ораторъ, тыча пальцемъ по направленію къ о. Константину:—хочетъ увѣрить васъ въ своемъ расположеніи къ вамъ, а посмотрите: у кого изъ васъ одежда изъ такой матеріи, какъ у него? Кто изъ васъ живетъ въ такомъ домѣ, какъ онъ? Кто, кромѣ его, получаетъ по рублю за два слова? А? Кто? Ну, скажите.

Но ораторъ не останавливался, чтобы выслушать отвѣтъ на поставленный вопросъ, и сейчасъ же продолжалъ рѣшительно и громко:

— То-то! Такъ чего же вы уши то развѣсили? И кого вы собрались слушать: меня или его?

— Это вѣрно,—выдѣлился изъ толпы робкій голосъ:—мы, батюшка, вотъ его хотѣли послушать. Онъ насъ и созвалъ-то. Это намъ антиресно. Потому дѣло новое. А тебя мы ужь слышали. Да ты и послѣ скажешь намъ, ежели что.

— Послѣ, усмѣхнулся кто-то:—послѣ-то поздно будетъ. Спусти лѣто по малину въ лѣсъ не пойдешь.

— Конечно, послѣ,—говорили другіе.

— Послѣ, послѣ...

Рѣзкіе выкрики заѣзжаго оратора ободрили многихъ изъ молодежи.

— Давно бы ужь, батя, ко дворамъ тебѣ пора.

— А ты постепеннѣй, постепеннѣй обращайся, совѣтывали дерзкому.

— Ну, отстань! Хамъ.

— Самъ ты хамъ.

Въ толпѣ произошло раздѣленіе.

Одни приняли сторону о. Константина, другіе — пріѣзжаго оратора.

Чѣмъ дальше, тѣмъ раздѣленіе становилось рѣзче. Этимъ воспользовался ораторъ и продолжалъ агитацію.

— Если вы хотите слушать попа, такъ прощайте. Оставайтесь, какъ были дураками, — ругался уже ораторъ:—ставьте свѣчи и мажьте головы лампаднымъ масломъ. Если же вы хотите быть людьми настоящими, если хотите знать, что такое право, борьба и свобода, то слушайте меня и гоните этого долгогриваго черносотенца. Впрочемъ, можетъ быть и вы и сами черносотенцы. Въ такомъ случаѣ виноватъ: я не туда попалъ.

Прослыть черной сотней показалось очень обиднымъ для деревенской молодежи, щеголявшей красными рубашками и пѣсьями новаго пошиба. Многіе изъ парней, совсѣмъ близко подходя къ батюшкѣ, трепали его по плечу и жестами указывали ему дорогу изъ проулка, гдѣ было собраніе.

— Ступай, отче, ступай.

— Да, батюшка, покалякаемъ послѣ.

— Послѣ дождичка въ четвергѣ.

— Да вы перестаньте озорничать то,—останавливали расходившихся парней благосмыслящіе изъ крестьянъ.

— Ну, ну! Не толкайся.

Около о. Константина происходила уже давка. Его тянули за руки и за рясу въ разныя стороны. Одни грубо вели его вонь изъ проулка, другіе останавливали въ проулкѣ.

— Братцы!—упавшимъ, тихимъ голосомъ говорилъ. о. Константинъ послѣднимъ:—не безпокойтесь: я все равно уйду.

— Я самъ уйду говорилъ онъ и тѣмъ, что толкали его вонъ.

— То-то, то-то. Давно ужь время.

— Заболтался.

— Онъ думалъ, что у себя на колокольнѣ.

— Нѣтъ, батя, здѣсь у насъ нѣсколько построже. У насъ зря—то не говорить.

— А то за ушко да на солнышко.

О. Константинъ съ трудомъ выбился изъ толпы и растрепанный, съ развѣвающимися волосами, со смятой шляпой и въ растегнувшейся въ давкѣ рясѣ шелъ домой.

Толпа была довольна униженнымъ видомъ батюшки и опять какъ въ началѣ сходки, цинично гоготала.

— Ты поди моя коровушка домой,—запѣлъ кто-то.

Эта выходка вызвала взрывъ хохота, который походилъ на ржаніе животныхъ.

Гдѣ-то раздался свистъ. Это тоже многимъ пришлось по вкусу, и пронзительные свистки проводили о. Константина до самаго дома.

Н. Волжанинъ.

(Продолженіе будетъ).



Къ предстоящему Епархіальному съѣзду духовенства.

Съ добраго почина Государственной Думы въ борьбѣ съ цѣлствомъ и пастыри православной церкви должны съ новой силой итти на борьбу съ этимъ народнымъ зломъ. Не маловажнымъ средствомъ въ рукахъ пастыря является во всякой духовной борьбѣ печатное слово: поэтому хорошо бы сдѣлали наши представители на епархіальномъ съѣздѣ, о. о. депутаты, Чле бы возбудили на съѣздѣ вопросъ и передъ кѣмъ слѣ-

дуетъ походатайствовали о бесплатномъ снабженіи всѣхъ церковно-приходскихъ школъ, а земскихъ отъ земства, — брошюрами, листками, книгами и журналами противъ пьянства; матеріаломъ удобопонятнымъ школьникамъ и подходящимъ для взрослыхъ. Давая своимъ питомцамъ читать на домъ, прочитывая кое что о пьянствѣ въ школъ, храмѣ, на собесѣдованіяхъ школьныхъ и внѣбогослужебныхъ, мы, при помощи Божіей, со временемъ можемъ воспитать будущихъ гражданъ своего отечества людьми здоровыми, трезвыми, честными и полезными государству!...

Села Петровки священникъ *С. Рождественскій*.



Содержаніе: 1) О воскресеніи—Н. Волжанина. 2) О порядкѣ благоустройтва прихода—П. Иванова. 3) По поводу статьи „Новая форма благотѣлной взаимопомощи“—Свящ Д. Ст—ва. 4) Петръ Александровичъ Державинъ (некрологъ) — Н. Колосова. 5) Приходъ и прихожане—Члена Госуд. Думы Воейкова. 6) Изъ встрѣчъ въ морѣ житейскомъ. 7) На склонѣ лѣтъ. Повѣсть (продолженіе) Н. Волжанина. 8) Къ предстоящему епархіальному сѣзду духовенства—свящ. С. Рождественскаго.

Печатать дозволяется. Симбирскъ. 15 мая 1908 года.

Цензоръ протоіерей *Сергій Медвѣдковъ*.

За Редактсра *А. Соловьевъ*.

Симбирскъ. Типо-литографія А. Т. Токарева.